

Виталий Каплан

ПОСЛЕДНЕЕ ЗВЕНО

Виталий Каплан

Последнее звено

«Автор»

2006

Каплан В. М.

Последнее звено / В. М. Каплан — «Автор», 2006

ISBN 978-5-699-24839-1

Обычного московского студента Андрея Чижика похищают люди из параллельного мира. Странный мир, географически такой же, как наш, а история, начиная со II века до нашей эры, пошла иным путём. Вместо христианства там появилась и победила совсем другая вера — Учение о Равновесии. Жизнь там в чём-то лучше нашей, а в чём-то хуже. Андрею, впрочем, не слишком интересны философские и политические вопросы — он пытается найти дорогу домой. Но чем больше предпринимает усилий — тем глубже запутывается в интригу, ради которой и был похищен. Он — узловая точка. Для тамошних сектантов он — предсказанный Мессия, который изменит мир, для тамошних спецслужб — средство сохранить стабильность, хотя бы и ценой загнивания. А ему самому плевать и на тех, и на других. В итоге мечта его сбывается, он возвращается в наш мир... но какой ценой? Текст представлен в авторской редакции.

ISBN 978-5-699-24839-1

© Каплан В. М., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Глава первая. Не без добрых людей	5
Глава вторая. Хвороба прежедепамятная	19
Глава третья. Изгиб линии	32
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виталий Каплан

Последнее звено

Глава первая. Не без добрых людей

1

Такой пакости я от Фролова не ждал. Конечно, говорили о нём разное – и что завалить кого угодно ему раз плюнуть, и что перед сессией к нему надо с конвертиком подойти, – но мне казалось, это бред. На вид вполне себе ничего дядька, объясняет доходчиво. Да, язва – но я и не заказывал совершенства. Ладно бы всякие Смирнюки с Ласточкиными, для теоретической механики они слишком тупы – и потому надеются на зелёные аргументы... Но я-то честно учил!

– Иван Семёнович, ну как же так? – от своего детского лепета мне было противно. – Я же учил!

– Учили, конечно... Через пень, через колоду, – очки доцента Фролова пустили по потолку солнечный зайчик. – Если б вы ещё на лекции изволили ходить и семинары посещать, может, чего и усвоили бы... А так... За три дня, юноша, никакой предмет не изучить... особенно мой предмет.

– Но я же написал по билету!

– Курица тоже пишет, – кивнул злобный препод. – Лапой, знаете ли. В общем, неудовлетворительно, Чижик. Забирайте вашу зачётку, не хочу её марать записью.

– А как же теперь? – растерянно спросил я, скользнув глазами по аудитории. Там оставалось всего двое – старательная девочка Вострикова и скучный как осенний дождик Валера Пенкин. Остальные уже отстрелялись. Успешно, кстати – ни одного неуда.

Ну почему я? Почему именно мне высшие силы подкинули такую засаду?

– А теперь после сессии, на пересдачу, – чуть скривив тонкие губы, Иван Семёнович исполнил улыбочку. – Только уже не мне, я со второго числа в отпуске. Будете пересдавать комиссии на кафедре...

Ну и что тут оставалось делать? Я собрал вещи и вышел. Хотя какие вещи – исчириканные листки в клеточку и гелевую ручку. Сумки Фролов потребовал вынести из аудитории ещё до начала экзамена.

В коридоре было пустынно – только солнце, пыль и вездесущий тополиный пух. Наши, наверное, уже разошлись – пить пиво, общаться с противоположным полом и вообще всем тем, что делают люди после жаркого боя... то есть успешно сданного теормеха.

Мысль про бой мне совершенно не понравилась. Бой, война, войска, присяга... Если сессию не закрыть, то ведь осенью от повестки не отвертеться... откосов по медицине у меня никаких, а покупать их – так ведь и с деньгами по нулям. Говорят, отсрочка на год – две с половиной зелёных штуки... Работая сутки через трое на автостоянке, уж никак не накопить. Да и накрылась подработка... Вновь сработал основной закон природы – закон подлости... Ну опоздал на полчаса... Подумаешь, трагедия... Другие, что ли, не опаздывают? Так нате – припёрся с проверкой въедливый сморчок Альбертыч... Двести ежемесячных баксов – коту под хвост.

А на родителей надеяться без толку – их бюджетных зарплаток хватает разве что на продукты первой необходимости, ну и за квартиру... Плюс к тому же бабулина онкология... каждый лишний родительский рубль утекает в её уколы...

– Здорово, Чижик! Оттуда?

– Оттуда, – мрачно кивнул я.

Оказывается, пока я сидел на подоконнике и предавался мировой скорби, рядом нарисовался бледнолицый Жора Панченко из группы В-9. Эти уже с теормехом отстрелялись, у них теперь только химия.

– А чего такой грустный? Банан лижешь? – Панченко никогда не отличался тактом.

Он вообще мало чем отличался – разве что повышенной скользкостью. Мы с ним раньше особо не пересекались, с таким и поговорить не о чем – кроме попсы и девок его, похоже, ничего не волнует. Книжек не читает, в компах не шарит...

Впрочем, ходили о нём разные мненьица. Тусуется с какими-то деловыми, тачку вроде купил, БМВ. Подержанную и битую, само собой, но всё-таки. Ну и ссориться с ним тоже не рекомендовалось. Сам-то парень хлипкий, но вот его компания...

– Козёл этот Фролов, – пожаловался я не то Жоре, не то гулкому пространству. Шестой час, однако, пора и сваливать отсюда.

– Козёл, – согласился Панченко. – Выгнал?

– Выгнал...

– И что теперь делать думаешь?

– Будто есть варианты, – во рту скопилась слюна, и я не сплюнул на пол единственно ради того, чтобы не уподобляться Жориным друзьями. – После сессии на пересдачу. Комиссии на кафедре. Сам-то в отпуск свинтит.

– Да, комиссии – это хреново, – Панченко поглядел на меня с неожиданным участием. – Комиссии стопудово не сдашь, учи – не учи. Ты разве про Гущина не в курсе?

– А про что надо быть в курсе?

Завкафедрой теоретической механики, Павла Ильича Гущина, я видел всего раза два-три. Ничего он у нас не вёл, на работу приходил редко. Было дедуле глубоко за восемьдесят и песок из него сыпался прямо как в песочных часах. Осталось всего-то на пять минут.

– А про то, что сдать ему вообще невозможно. По нулям, – с готовностью сообщил Жора. – Он же сорок лет назад учебник по теормеху написал и кроме учебника своего, ничего не знает и знать не хочет. Все определения, теоремы – только по своему учебнику спрашивает. А мы ж по совсем другой программе учимся. Но ему это до фонаря – ответишь правильно, а он скажет: «в учебнике не так». И всё, пролетел. Его ж стараются не пускать ни на госы, ни на защиты дипломов, знают, что мозгами застрял в эпохе недоразвитого социализма. Только вот, понимаешь, какая тема – пересдавать придётся именно ему. Там у них график отпусков такой, что все разбегутся после двадцать восьмого, он один остаётся, ну, ещё ассистентов парочка, но они не в счёт.

– Круто, – только и нашёлся я. – Вот же попал...

– А ты что же, Дрюня, – прищурился Жора, – к Фролову подхода не знаешь?

– Ты о чём?

– Да вот об том, – Панченко выразительно потёр похожие на переваренные сосиски пальцы. – Ты что, типа честно сдавать пошёл?

– Так я ж вроде как выучил.

– Чувак, да ему же все отстегнули по-тихому, – Жора облизнул бледные узкие губы. – По тарифу. Больше с народом общайся, вот и будешь в курсах.

– Блин... И какой же тариф?

– Ни фига не знаешь и на лекциях не был – двести, знаешь фигово, но ходил – полтора, посещал и как бы знаешь – всего полтинник.

Жорин голос звучал одновременно и насмешливо, и сочувственно. Наверное, я сам так говорю, когда к какому-нибудь чайнику прихожу настраивать собранный на коленке комп.

– Слушай, – повернулся ко мне Жора, – а он в ведомость-то неуд вкатал?

– Нет, вроде. Просто вернул зачётку, сказал, марафет не хочет.

– Ну, это уже неплохо. Толстый намёк типа.

– Толстый-то толстый, – возразил я, – да вот я тощий. В финансовом смысле. Так что абзац. Похоже, осенью ждёт меня кирза.

Панченко на секунду задумался, потом хохотнул:

– Не гони, Андрюха, вопрос решаемый. Короче, чисто по дружбе помогу. Давай свою зачётку, я с Фроловым сам разрулю, дешевле выйдет.

Ну и что мне оставалось? Гордо пожать плечами и сказать, что у бандитов не одалживаюсь? Так ведь, во-первых, я и не знаю про него точно. Мало ли что говорят. А во-вторых, бандиты что, не люди?

Было и «в-третьих», и оно-то как раз стояло на первом месте. Очень уж не хотелось вылетать со второго курса белым лебедем. И осенний призыв, и вообще...

Всё это промелькнуло в голосе за секунду – и я протянул Жоре свою едва не убитую зачётку.

Может, если бы он просто предложил деньги, я бы и отказался. Общаться с поганим доцентом было выше моих сил. Но когда предлагают ещё и дипломатические услуги...

– Тебе сколько? – деловито поинтересовался он. – Тройбан устроит, или надо выше?

– Устроит, – вздохнул я. – Степухи и так не видать.

– Погоди, я быстро.

Панченко вроде стоял здесь – а секундой спустя он уже деликатно приоткрыл дверь и просочился в аудиторию. Да, скользкий парнишка.

Делать всё равно было нечего. «Король и шут» гремели в наушниках, старый-старый их альбом, «Камнем по голове». Я поудобнее устроился на подоконнике, ослабил звук. Всё равно сейчас не до музыки. Камнем ведь – и по голове.

Окно за моей спиной было закрыто, шпингалеты забиты наглухо и вдобавок покрашены масляной краской. Институтскому завхозу, Матвейчу, плевать, что духота, что плюс тридцать. Правокачателям он доходчиво объяснял, что плюс тридцать вполне можно потерпеть, в отличие от минус тридцати. Закрытое окно целее, а то и грозы случаются, и студент чуть ли не каждый норовит выпасть...

Как там у Короля с Шутом... «Разбежавшись, прыгну со скалы. Вот я был – и вот меня не стало...»

Я мысленно представил красный блин, в который совсем несложно было превратиться. Простое решение всех проблем – академических, финансовых, кирзовых... ну и личных, конечно. Похоже, с Иришкой всё. Полностью и окончательно. Если б она тогда орала, подогревая в себе градус истерики – шансы бы ещё оставались. Но увы, голос её звучал ровно, как вычерченная по линейке прямая. «Андрюша, я, конечно, понимаю твои чувства, но и ты должен понять... Ты только не злись, ладно? Ну, поиграли в любовь, бывает... А теперь у меня начинается настоящая жизнь, и постарайся мне не мешать, ладно?»

Настоящая жизнь называлась Геней, и тут уж ничего нельзя было поделать. Морду ему бить? Детский сад... к тому же поди достань до его морды... чёрный пояс, школа Кёкусинкай. А главное – двадцать пять лет, недостижимый возраст. Аспирантура в МГИМО, референт в каком-то торговом представительстве, папа – директор банка «Транскредит», мама – чиновница в Московском фонде недвижимости... И вдобавок ко всей этой жути – самые серьёзные намерения. Такому запахло гулять просто так – нет, обязательно нужно создать здоровую ячейку общества. А чего ж не создать, ты же не студент-второкурсник со смешной фамилией Чижик, смешным факультетом «технологии агрегатов пищевой промышленности», смешными родителями – инженером-химиком и учительницей литературы... А уж

жилищные условия до чего смешные... двухкомнатная в хрущобе на четверых... и ту снесут, типа вот вам равноценная площадь в Жулебино или в Бутово...

Короче, Иришка сделала правильный выбор, её можно только поздравить и произнести вместе с заученным в школе Пушкиным: «...как дай вам Бог любимой быть другим». Но Пушкину хорошо было швыряться прощениями, вон у него сколько вариантов – от крепостных девок до какой-нибудь Анны Петровны Керн или Полины Виардо... впрочем, Полина, кажется, была у Тургенева.

В общем-то, действительно несложно. Можно ногой раза два по стеклу вклепить – и готова дорожка на тот свет. А можно не возиться с осколками, в туалете окно всё-таки открыто. Оно и понятно, иначе без противогаза не зайти – дымят. Говорят, падать лучше спиной вперёд, так решиться легче. Правда, говорят всё больше теоретики. Практики молчат.

Мысли были так, несерьёзные. Не псих же я, чтобы на самом деле... как там говорила наша классная, Маргарита, «лучшее средство от насморка – это отсечение головы».

Интересно, а как Жора дипломатию крутить станет? Что, прямо в аудитории баксы сунет? Там же люди ещё. Конечно, им вроде как по фигу, но не совсем же он идиот...

Жора оказался не совсем идиотом, равно как и доцент Фролов. Сперва из аудитории невозмутимо вышел Панченко и скукаясь облокотился о стенку, минуту спустя дверь выпустила Ивана Семёновича, который, не кинув на меня и взгляда, решительно проследовал в туалет. Чуть выждав, туда же двинулся и Жора.

Процесс баксоиспускания был короток. Выходили они в обратном порядке – облегчившийся доцент Фролов вернулся к моим недомученным одноклассникам, потом возле подоконника нарисовался довольный Панченко.

– Фу, ну и жара, – сообщил он, утираясь ладонью.

– Ну как? Что Фролов?

– Вот, держи, – протянул он мою зачётку. В графе «теоретическая механика» торчал «удовл», сопровождавшийся размашистой доцентской подписью.

– Сколько? – я постарался произнести это небрежно, хотя в желудке у меня всё кололось иголками.

– Да понимаешь, старик, – вздохнул Жора, – что-то этот козёл на тебя взелся. Ты ему типа хамил? Короче, он только на пятьсот согласился.

– Пятьсот?! – мне представлялось что-то раза в три-четыре меньше. Жора ведь сам говорил: у меня дешевле выйдет.

– Ну вот так срослось, – с грустью подтвердил Панченко. – С ним торговаться беспонтово, он о себе слишком много понимает. К тому ж ему бабки сильно нужны, дочь-то полгода уже по больницам, троллейбусом её переехало, прикинь. Что, и этого не знал?

– Где же я пятьсот возьму? – Ощущение иголок в желудке усиливалось с каждой секундой. Перееханную дочку, конечно, жалко, но себя-то жалче в сто раз.

– Ну, это твои проблемы, – спокойно ответил Жора. – Где-нибудь найди. У друзей там, у мамы-папы... Откуда я знаю? Короче, у тебя неделя есть, потом уж, извини, пойдут тикать проценты. По стандарту, десять за неделю.

– Блин, да нет у меня! И занять не у кого.

Панченко внимательно посмотрел на меня.

– Андрюха, я чего-то не врубаюсь. Ты меня просил помочь? Просил. Ты знал, что это будет стоить? Знал. Причём, прикинь, я с этого вообще ни хрена не имею, я дал Семёнычу полштуки, и вернёшь ты мне полштуки. Если за неделю, конечно. Ты чем думал вообще?

– Ты ж сказал: дешевле выйдет, если сам разрулишь, – глаза, к моему стыду, начало щипать. – А теперь выходит пятьсот?

– Ну да, а без меня он бы, может, и штуку запросил, – усмехнулся Жора. – Ему ж по барабану, что ты из института вылетишь. Кто ты для него – сынок, племянник? У него на тебя вообще саблезубый клык... – мой сокурсник блеснул тонким юмором.

– Короче, ты меня подставил, – желудочные иголки понемногу начали превращаться в кипяток.

– Опаньки! – сейчас же взвинтился Жора. – Я тебе помог, я из своих заплатил, и это типа называется подставил? Чувак, ты вообще знаешь, что такое подстава? Ты вообще чего по жизни знаешь, кроме барабанов своих да игрушек комповых?

– Что же мне делать? – совсем по-детски протянул я. Вроде ведь и чуял, что попался как лох, но и возразить было нечего. Формально-то он кругом прав. Не пойдёшь ведь к Фролову разбираться, сколько тот запросил за «удовл». И Жорка не отнимал у меня зачётку, я же сам ему дал... Комп, что ли, продать? Так ведь он древний, он третий пень... Больше ста пятидесяти никак не выручишь. Да и не получится за неделю...

– Но, между прочим, варианты всегда возможны, – бледная, точно мукой присыпанная Жорина физиономия озарилась вдруг доброй улыбкой. – Ты вот после сессии куда намылился?

– А... – махнул я рукой... – С родаками на дачу. Денег-то на юга нет...

– Знаешь чего, – задумался Панченко, – у вас когда последний экзамен, в среду? У нас тоже, химия. Ну вот в среду встретимся и перетрём про наши дела. Короче, есть варианты. Типа, не деньгами, так натурой... Да ты чего, я ж не в том смысле! Я в смысле, что подыщу тебе подработку... Не бойсь, всё пучком будет. И хорошим людям поможешь, и долг вернёшь, и ещё останется на игрушки. Ладно, я поскакал.

Жора приятельски хлопнул меня по плечу – и вот уже он в конце коридора. Странно, вроде рыхлый как тесто, никаким спортом сроду не занимался, а вот умеет же двигаться, как ниндзя...

2

До среды я, конечно, ничего не придумал. То есть, конечно, позвонил одному-другому-третьему, но все бесполезняк. Безденежные у меня какие-то друзья. С родителями и говорить не стал – чего их проблемами грузить, этого добра у них и без меня полно. И бабуля, и снос дома – говорят, чуть ли не осенью. Ленку в лагерь сплавили, так теперь мама каждый день устраивает сеанс переживаний – как бы девочку не испортили, как бы в свои одиннадцать не перестала она быть девочкой. Мама как газет начитается, так и прёт из неё чернуха. Как из нефтяной скважины, фонтаном. Представляю, что бы с ней стряслось, узнай она о моих делах. Всё равно как в эту нефтяную скважину спичку бросить.

Интернет тоже не принёс облегчения. Да, опять закон подлости. Вкусных объявлений полно, а как позвонишь – то уже нашли человека, то фирма ликвидируется, то «оставьте резюме, будем смотреть... напомним о себе в августе-сентябре». Сперва я искал что-то по сисадминству, потом, отчаявшись, готов был и курьером пойти... но ведь курьерские полтора-два бакса не спасут отца русской демократии. Впрочем, и тех не нашлось – в офисах летнее затишье... перед сентябрьской бурей. Кинул я, само собой, слёзный вопль в «живом журнале», пришло четыре коммента. Три с сочувствием, один – предложили строительную шабашку. Которая с двадцатого июля по конец сентября. Увы и ах.

...Среда встретила меня всё той же одуряющей, липкой жарой, когда просыпаешься потным и через час после душа снова в поту. Не экзамены в такую погоду сдавать, а на пляже валяться, желательно с пивом, причём из холодильника. А тут... узлы установок, чертежи, заучивать наизусть наборы характеристик...

И всё же мне повезло. Видимо, жара притупила не только наши студенческие мозги, но и Антонине Викторовне всё уже стало по барабану. Да она и так была тёткой невредной. К моему удивлению, уже в десять утра я оказался в коридоре с зачёткой, украшенной надписью «хор». Сквозь немытые окна доносился трамвайный лязг, темнели внизу кроны тополей, носился по коридорам озабоченный народ. И было мне кисло. И во рту, и на душе.

Я одновременно и боялся столкнуться с Панченко, и хотел этой встречи. Хуже всего неопределённость. Что же он за работу предложит? Героин из Чечни возить? Олигарху какому бомбу в дом подкинуть? Или он не так уж и шутил про «натурой расплатишься»? Бр-р... И ведь на фиг его не пошлешь, достанет.

Мобильник у меня на поясе прочирикал советский гимн. О, Колян проявился!

– Здорово, чувак! – полился в ухо его оживлённый говорок. – Ты чего там, над учёбой припух? Не забыл, что сегодня собираемся, последний раз перед осенью? Ага, в шесть, как обычно. Будешь? Ну давай, до скорого.

Что ж, хоть на что-то отвлечься можно. Пускай это по большому счёту и не очень серьёзно. Группа «Бивни мамонта», восхищайтесь, девки, падайте в объятия, залы, набивайтесь под завязку, пресса, галди, сверкай вспышками, и букеты на сцену, букеты... веники из роз и хризантем. Диски на всех лотках, три весёлые морды и трупик волосатого слона...

На самом деле – комнатка в подвале Риткиного дома, в складчину купленные с рук инструменты, барабанная установка, саксофон, бас-гитара. Еженедельные посиделки, гордо именуемые репетициями, два раза даже выступали где-то на окраине, в молодёжном клубе «Сарделька» (официально он назывался как-то романтично, не то «Чайка», не то «Альбатрос»), но все почему-то говорили именно «Сарделька»).

Ну и мы – саксофонист Вовка Иволгин, бас-гитарист Колян Цыпленко и я, великий барабанщик Андрей Михайлович Чижик. Стая ощипанных птиц, как называла нас Ритка. Впрочем, несмотря на свою вредность, именно она устроила нам эту бесплатную комнатку по средам, с шести до восьми. Мама её чем-то заведовала в РЭУ и провела как художественную самодеятельность... Ещё Ритка писала нам тексточки песен, и хотя мама моя скептически хмыкала – других текстов у нас всё равно не было.

Ещё год назад мне казалось, что впереди у нас – лучезарное будущее, что мы делаем настоящую музыку, не попсу для тупых жвачных и не нудятину для худосочных эстетов. Но чем дальше, тем больше я понимал, что всё это детство играет, мечта прославиться и всё такое... а на самом деле ну какие из нас музыканты? Из всех нас только Колян окончил музыкалку, и то, как он сам признавал, «отмучался». А я оттуда и раньше сбёг, после пятого класса. Не то чтобы совсем ни у кого ни слуха, ни голоса, но одно дело девчонкам под гитару петь, и совсем другое – выступать на публике.

Сомнениями своими я, правда, с ребятами не делился. Всё равно неплохо, что есть где и с кем собраться, есть ощущение дела... а что игра – так и в компьютерные игры когда режешься, знаешь ведь, что понарошку, а захватывает же...

Ну и сколько мне ждать Жору? Они вроде химию в 312-й сдают, на третьем этаже. Для очистки совести я сунулся туда, сходу не выцепил его взглядом. Может, сдаёт уже, а может, и сдал. Ладно, это ж ему от меня что-то нужно, захочет – найдёт. Конечно, номер мобильного я ему не давал, но такие ребята и сами всё всегда узнают.

Выждав ещё минут десять, я с чистой зачёткой и мутной совестью поехал домой. До шести оставалась уйма времени, можно было бы созвониться с кем-нибудь, отправиться, например, в Измайловский парк, на озёра – но мне всё было в лом. Так я до вечера и провалялся на диване, с книжкой Стивена Кинга. Чтение не утешало – проблемы американских детишек, преследуемых дьявольским клоуном Пеннивайзом, казались мне игрушечными на фоне собственных, более чем реалистических.

В шесть я был уже в наших «Бивнях». Причём пришёл первым, что со мной нечасто случается. В результате пришлось подпирать стенку, ожидая Коляна – ключи были у него. Мы вечно собирались сделать каждому по копии, но руки никак не доходили.

Чертыхался я до половины седьмого, когда, наконец, появился нагруженный пивом Колян. «Клинским» он частично искупил свою вину, но я всё равно сообщил рыжему, что он урод, а говоря точнее – гибрид шакала с обезьяной. Рыжий, впрочем, не обиделся. За четыре года нашего общения как только мы друг друга ни подкалывали...

– А Вовка чего? – осведомился я.

– Вовка – хитрый перец, – ковыряясь ключом в заедающем замке, сообщил Колян. – Я ему звонил только что. Он типа в Питере сейчас, с Анютой, к её тётке намылились, до второго июля.

Дата сия тут же напомнила мне об отпуске доцента Фролова. Закон равновесия как бы – одни возвращаются, другие уезжают.

– Ну и чего, будем вдвоём репетировать? – я покосился на батарею выставленных в ряд запотевших бутылок.

– Жарко... – зевнул Колян. – Ломает меня что-то... Да и не выйдет ничего толкового. В «Гремя костями» партия саксофона ведущая. А Вован как бы нас предал. Променял на белые ночи.

– Тогда по пиву? – я пододвинул ящик, заменяющий стул, к тому, что заменяло нам стол. То есть к найденной на помойке двери, уложенной на такие же ящики.

Догадливый Колян взял и сухариков-кириешек, так что получилось всё вполне интеллигентно.

– Ну, как сессия? Отстрелялся? – Колян откупорил бутылки.

– Отстрелялся-то отстрелялся, – сделал я первый, самый приятный глоток, – да только вот и себя подстрелил.

– Это как? – присвистнул Колян. – Загадками изволишь?

– Да какие уж там загадки. Полная фигня вышла.

И я рассказал всё. Чего, действительно, стесняться? Колян – свой парень, поймёт как надо. Ну да, лопухнулся, так что ж теперь, от всех таиться? Пятьсот баксов, конечно, у него не надыбать, но хоть выслушает.

Колян выслушал внимательно, не перебивая. Глядел, правда, не на меня, а на стенку, обвешанную постерами. Будто мысленно советовался с Цоем и битлами.

– Короче, я понял, – сказал он наконец. – Дело фиговое, но не хреновое.

– У тебя пятьсот баксов есть? – наивно понадеялся я.

– Стольник мог бы занять, а больше никак. Думал, летом подработаю, но вот другая тема возникла... Кстати, а это мысль...

Он хлебнул ещё пива, аккуратно зажевал микроскопическим чёрным сухариком.

– Не тяни кота за резину. Что за мысль?

– Да вот были планы подработать. Возник интересный вариант, мне Пашка Стылов контакт подкинул, ну, ты его видел, наверное, из нашей школы, на класс старше был... Короче, есть один дядька, вроде как менеджер по найму, ищет работников. Что-то типа строительства или какое-то сельское хозяйство, я не вникал... но там чисто, не криминал никакой, контракт с тобой заключают, зарплата белая... Набирает на сезон, то есть июль-август, деньги там от восьмисот и до полутора, смотря куда тебя поставят и как себя покажешь. Ну, я позвонил, он говорит, приходите на собеседование через неделю... то есть как раз завтра получается.

– Что-то поменялось? – сообразил я.

– Догадливый! – кивнул Колян. – Шерлоком будешь. Короче, тут у меня более интересная тема возникла. Ты знаешь Людку Иванцову?

– Это которая до десятого класса в «б» училась? Чернявая такая?

– Она самая. С моей сестрой они дружат. Ну вот, эта самая Людка, оказывается, в какой-то организации типа зелёных, ну там всякая ботва, экология, вегетарианство, «спасём лёгкие планеты» и прочее.

– Какие-какие планеты они спасают? – не удержался я. – Лёгкие?

– Тяжёлые! – изрёк Колян. – Короче, все по-своему с ума сходят. Так вот, она там активистка какая-то.

– А в чём фишка-то? Не втыкаю.

– Сейчас воткнёшься, – Колян слишком энергично глотнул из бутылки, поперхнулся, вытер запястьем губы. – В общем, их контора входит в какой-то международный союз зелёной молодёжи или как-то там... ну и у них в июле типа международный экологический лагерь, в Германии. База отдыха под Мюнхеном, всякие экскурсии, мероприятия... Ну и освободилось одно место, парень там один как бы заболел... не смог, короче.

– О как! – я начал что-то понимать. – И Людка рассказала Машке, Машка тебе...

– Йес! – Колян расплылся в улыбке, которая была бы совсем голливудской, кабы не вставные передние зубы. – В общем, мне предложили. Срочно надо было дырку закрыть... Прикинь – на халяву! Месяц в Германии, за счёт тамошних зелёных. Включая проезд. Когда ещё вот так в загранку попадёшь? Так что я сразу зубами и когтями в это дело вцепился. Загранпаспорт за три дня оформил, ну, заплатить пришлось за скорость, потому и на мели сейчас... Короче, тот мужик, который на работу принимает, ещё не в курсе, что я с дистанции сошёл. Я тебе контакты все дам, ты завтра туда приди, скажешь, что звонил, что тебе назначено. Мы же когда по телефону говорили, он обо мне ничего не спрашивал, он даже фамилии моей не знает. Просто я сказал, что на третий курс перешёл, ну так и ты то же самое. Если что, скажешь, информация у тебя от Стылова.

Я задумался. Идея была неожиданная, но пахло от неё вкусно. Даже если по минимуму, по восемьсот за месяц, то уже тысяча шестьсот. Даже если подсчитать с обещанными Жорой процентами, вдвое больше выйдет. И это если по минимальной ставке!

– А этот дядька не сказал, где работать-то?

– Говорит, где-то в Сибири... То ли Тюмень, то ли что... Помню, на букву «т». Проезд, проживание, питание – всё за счёт нанимателя. Ну, я подробно про условия тогда выяснять не стал...

Это ещё лучше! Подальше от Москвы – значит, подальше от Жоры с его бандитскими «подработками». В сентябре встретимся, он, конечно, начнёт возбухать, а я ему – держи и подавись своими процентами. Интересно, в какую сторону у него физия искривится?

– Слушай, а классная мысль. Я всё равно ведь ничего не планировал, на дачу поехал бы... Скукота... Короче, у тебя есть на чём записать про этого мужика?

– Да чего записывать, – улыбнулся Колян, – у меня в ксивнике валяется его визитка, Стылов дал. Вот, держи.

Визитка поражала своей простотой и совершенством дизайна. Ни тебе виньеток, ни логотипов. Просто на закатанном в пластик белом прямоугольничке – «Аркадий Львович». И номер мобильного.

– А куда подъехать-то? – вспомнил я. – Ты ж сказал, собеседование назначили.

– А... – вспомнил Колян. – Он сказал с утра, часиков в десять, позвонить, он разъяснит, что и как. Вот и позвони.

– Ну, спасибо, Колян, – я сунул спасительную визитку в карман шорт. – Как говорится, мир не без добрых людей.

3

Аркадий Львович взял трубку после шестого гудка, я уж думал нажимать на «отбой».

– А, помню, вы звонили насчёт работы. Да, наша встреча остаётся в силе. Подъезжайте к двенадцати на Проспект Мира, да, на метро. Я встречу вас у входа. Как узнаю? А вы мне сейчас себя опишете. Так... ну, я понял. Да, мобильный ваш у меня отобразился. Всё, увидимся.

И гудки в трубке – точно уколы тонюсенькой иголкой.

Я поплёлся на кухню, поджёг газ под чайником. Есть не хотелось совершенно, а вот пить... желательно холодненького, но папа, уходя утром на работу, выхлебал все остатки кваса.

Мамы тоже не было – торчала у себя в школе. Выпускной там на носу, выдача аттестатов... «Эх, скорей бы второе число», бесконечно повторяла она едва ли не с мая. Второго июля у неё отпуск. Заклинило всех на этом втором. У доцента Фролова отпуск, Вован второго возвращается в Москву, Колян – уезжает в свою зелёную Германию, жевать вегетарианские сосиски с безалкогольным пивом...

Вчера, конечно, не обошлось без воплей. «Что ещё за шабашка, я же рассчитывала на твою помощь на даче, мы же будем перекрывать крышу!». Ну и, конечно, как всё это подозрительно, как всё это неожиданно, как она решительно против... Пришлось раз десять ей повторить, что я взрослый совершеннолетний человек, что у меня свои дела и свои планы, что я не буду там пить водку, зато буду регулярно звонить. Всё равно кончилось слезами, хотя и не такими мощными, как я предполагал вначале.

Папа реагировал куда спокойнее, хотя тоже демонстрировал свой острый критический ум. «Какая-то сомнительная работа. Почему сомнительная? Потому что, во-первых, так резко люди своих планов не меняют, а во-вторых, ну скажи, за что такие деньги платить? Я старший инженер, у меня двадцать рацпредложений, из которых семь внедрены в производство, и я получаю восемь тысяч рублей минус налоги, а тебя, мальчишку, ничего не умеющего, берут на тысячу долларов? Тебе это не кажется странным?»

Ничуть не казалось, о чём я сходу и заявил. Если что и странно, так это то, что он до сих пор держится за своё занюханное бюджетное КБ, а не ищет чего получше.

Конечно, я наступил на больную мозоль, причём совершенно сознательно. Разговор, ясное дело, перекинулся от моего отъезда на развал страны, демократов, олигархов... Я послушал минут пять и заявил, что пойду на боковую, завтра у меня ответственная встреча.

На ответственную встречу я и оделся соответственно. Жара жарой, но при виде юноши в мятых камуфляжных шортах и в футболке с изображением оскаленного тигра у моего нанимателя могут возникнуть некоторые сомнения. Поэтому я, чертыхаясь, влез в парадные брюки, надел кремовую рубашку с коротким рукавом и даже облачился в пиджак. Последний раз я надевал этот костюм на выпускном. Впрочем, последний раз был и первым.

Аркадий Львович нашёл меня неожиданно быстро. Только я поднялся на поверхность и вышел из дверей, как он тут же подошёл.

– Здравствуйте. Андрей, если не ошибаюсь?

– Ага, – кивнул я.

– Что ж, вы не заставляете себя ждать, Андрей. Это уже плюс. Ну, пойдёмте, у меня тут машина припаркована.

Аркадий Львович выглядел лет на сорок, был не то чтобы высок, но сантиметров на пять меня превосходил. Тощим я бы его не назвал, но ни малейшего намёка на жир в его теле не наблюдалось. Наверное, фитнес по утрам, бег трусцой по вечерам. Или наоборот. Был он довольно загорелым – то ли сеансы в солярии, то ли только что с югов.

Одет весьма демократично – рубашка с закатанными по локоть рукавами, светлые джинсы явно турецкого происхождения, невзрачные коричневые туфли... Зря я, наверное, напяливал официальную шкурку. Теперь вот жарься в ней...

Вопреки моим ожиданиям, машина оказалась вовсе не иномаркой. Ухоженная, чистая «девятка».

– Садитесь, Андрей, – нажал он рычажок на передней двери. – В дороге и поговорим.

Аркадий Львович, похоже, не шибко торопился. Он вырулил с Проспекта Мира в переулок со смешным названием Банный, сбавил скорость до самого минимума.

– Значит, ищите подработку на лето, Андрей? Вместо того, чтобы отдохнуть от учёбы, набраться сил... Сильно деньги нужны?

– Ну, – признал я, – всякие там обстоятельства. Короче, нужны.

– Бывает, – коротко кивнул он. – А где вы учитесь?

Я рассказал, слегка стесняясь своей альмы матер. Всё-таки не МГУ, не МГИМО и даже не какая-нибудь Бауманка.

– Ну что ж, профессия, в общем, нужная, полезная профессия. – Во взгляде его читалось снисходительное уважение. – И вы, значит, перешли на третий курс... А живёте, прошу прощения, на что? Стипендии ведь, наверное, и на пиво не хватает. Подрабатываете где?

– Да, сторожем на автостоянке, – соврал я. Рассказывать, что меня уже месяц как выгнали, явно не стоило. – Сутки через трое. Платят, конечно, негусто, но и работа непыльная.

– Не боитесь потерять место? – участливо спросил он. – На два месяца ведь исчезнете, какому работодателю это понравится?

– А я договорился, что июль-август как бы в отпуске, – легко соврал я. – Меня там подменят.

– Ну, сторож – это, наверное, для вас временный этап. Всегда можно и чего получше найти, – наставительно заметил Аркадий Львович. – В вашем-то возрасте... Впрочем, давайте перейдём к делу. Итак, вы ищите подработку на июль-август. А я в данный момент представляю лицо, которое ищет работников. При этом услугами кадровых агентств мы не пользуемся, сеть знакомых надёжнее. Итак, есть один весьма серьёзный человек, которому нужны сезонные рабочие на его виллу. Мне поручено произвести подбор, и я с этой задачей почти справился. Остались две вакансии – помощник садовника и подсобный рабочий на кухне. В первом случае зарплата тысяча сто, условных единиц, разумеется. Во втором – восемьсот. Если мы с вами договоримся, то можно попробовать вариант с садовником. Дача у вас есть?

– Ага, под Серпуховом, – робко признался я, как будто в местопребывании наших шести соток было нечто постыдное.

– Это хорошо, значит, имеете какое-то представление о садовых работах. От помощника садовника требуется прежде всего аккуратность и исполнительность. Заметьте, я не говорю «инициативность». Наниматель ваш устроил там прямо-таки ботанический сад... есть даже растения из субтропиков. В общем, специфика дела такова, что, проявив инициативу, элементарно можете напортить. Корни случайно подрывать, полить водой не той температуры. А такие ошибки будут штрафовать, имейте в виду.

Он пожал плечами, как бы демонстрируя, что мысль о штрафах ему самому неприятна, но не скрывать же суровую правду.

– А где всё это? Ну, вилла? – любопытствовал я.

– О, это далеко. Сибирь. Сто километров от Тюмени, – усмехнулся Аркадий Львович. – А более детально... Если ваша кандидатура подойдёт, тогда и узнаете. Проезд, разумеется, за счёт нанимающего лица. Теперь послушайте внимательно, я скажу важные вещи...

Я изобразил почтительное внимание. Наверняка сейчас начнутся какие-то понты.

– Вы устраиваетесь на работу к очень авторитетному, влиятельному человеку. У таких людей, как вы сами понимаете, немало недоброжелателей, отсюда – усиленные меры

охраны. Поэтому для всех работников установлены жёсткие правила, нарушение которых может привести к неприятным последствиям. Вы меня понимаете?

– А какие правила?

– Во-первых, все эти два месяца вы будете жить на территории виллы, и никакие отлучки недопустимы. У вас будет один выходной в неделю, но проводить его придётся там же. Это не страшно, территория большая, есть лес, есть вполне цивилизованный пруд, можно купаться. Ещё имейте в виду, там ваш мобильный не будет действовать. Не дотянулся туда Мегафон, так что лучше купите сим-карту МТС. Хотя и тот ловится через пень-колоду. Тайга, понимаете ли... Впрочем, на вилле имеется стационарный телефон, во вне-рабочее время сможете звонить домой. Стоимость междугороднего звонка, конечно, вычитается из заработка. Рабочий день у вас теоретически восьмичасовой, практически будете решать это со старшим садовником. Когда больше, когда меньше... Условия проживания вполне приличные, в кирпичном корпусе, комнаты на четверых, горячая вода, душ. Питание тоже на уровне. Устриц с миногами не ждите, но пища добротная, сытная. Есть телевизор, есть видеотека, есть спортивная площадка. Более подробно о правилах внутреннего распорядка вам расскажет начальник охраны. Если, конечно, мы придём к соглашению.

– А почему москвичей набирают? В Тюмени это ж ближе было бы? – поделился я зародившимся сомнением.

– Ну, во-первых, потому что набором персонала попросили заняться меня, – начал загибать пальцы Аркадий Львович. – А я живу здесь и выбираю из здешних вариантов. Мне некогда специально лететь в Тюмень, где, кстати, у меня не так уж много знакомств. Во-вторых, местные жители в некотором смысле хуже. Вы приехали и уехали, а они там постоянно живут. Кому надо, чтобы они разносили по Тюмени слухи о дворце олигарха? Зачем создавать в обществе такие настроения, социальную рознь? В-третьих, уж больно много там пьют...

– А работа точно только по саду? – на всякий случай уточнил я. – Не заставят чего-то другое делать?

– Что вы имеете в виду? – криво усмехнулся Аркадий Львович. – Успокойтесь, вам не придётся ни наркотики распространять, ни краденные машины на запчасти разбирать. На вашу нравственность тоже никто не покусится, уж будьте спокойны. Хотя это вы и сами могли бы сообразить, по размеру предлагаемых зарплат. Как видите, ничего запредельного, разумная сумма за не слишком тяжёлый труд.

Говорил он убедительно, и всё-таки что-то меня смущало. Может, какая-то излишняя правильность речи. Нет, ясное дело, человек серьёзный, взрослый, «блин в натуре» не скажет, но как-то очень уж мягко стелет. Не жёстко ли будет проснуться?

Впрочем, не в моём положении высмеивать чужой язык.

– Ну конечно, я согласен, – по-моему, голос у меня звучал твёрдо и независимо. Ещё бы не согласиться, на такие деньги! За два месяца – две двести! Ну, минус Жоре. Сколько ж это с процентами за два месяца набегит? Девятьсот? Нехило! Но утешает, что тысяча триста остаётся. Значит, и комп сменить, и выделенку протянуть, и ещё на многое остаётся...

– Это радует, – произнёс Аркадий Львович. – Тогда небольшие формальности. Во-первых, разрешите посмотреть ваш паспорт.

Вот ведь засада! Паспорт мой остался в кармане шорт, там же, где и студенческий, и визитка вот этого самого Аркадия Львовича.

Давясь от отвращения к себе, я озадачил Львовича проблемой.

– Внимательнее надо быть, – назидательно ответил он. – Ваша рассеянность, имейте в виду, это минус... Ну что ж, придётся заехать к вам домой. Где живёте? Район метро Бауманская? Всё складывается удачно, мне после общения с вами как раз надо было в ту сторону, по другим делам.

Он прибавил газу, и «девятка», до той поры притворявшаяся улиткой, бодро заскользила в сторону «трёх вокзалов».

– И вот что ещё, – добавил он, – нужно будет медкомиссию пройти. Сами понимаете, никаких проблем с какой-либо заразой нам не надо.

– Так это ж долго! – присвистнул я. – Это ж пока всех врачей в поликлинике обойдёшь. Аркадий Львович рассмеялся.

– Не волнуйтесь, Андрей, это делается иначе. Сегодня подойдете в ведомственную медсанчасть, я выпишу вам направление, и без всяких очередей, не более чем за час пройдёте проверку. Это недалеко от вас, кстати, возле метро Сокольники.

Тут у него соловьём заверещал мобильный.

– Да, привет! – пробасил он в миниатюрную плоскую трубку. – Я в дороге сейчас. А что, это так срочно? Ах, вот как... Ладно, я заеду... да скоро, в течение часа или даже раньше, если пробок не будет. Да, не волнуйся, у меня они уже готовы. Да, подписаны. Всё, будь.

– Программа слегка меняется, Андрей, – повернулся он ко мне. – Тут мне по другому делу надо заехать в одно место, и это достаточно важно и срочно. Так что... Вы, надеюсь, не сильно спешите? Поедем вместе, там или в машине меня подождёте, или со мной прогуляетесь. Потеряем, думаю, не более получаса.

4

По таким, как этот Аркадий Львович, сразу видно – действительно серьёзные люди, без дешёвых понтов. У меня, конечно, нет особого опыта общения с крутыми, а по правде говоря, вообще никакого нет – но всё сходилось с моими представлениями. Спокойный, вежливый, не грозит, а как бы слегка намекает... Кто же его босс? Олигарх какой-нибудь недопосаженный, или вор в законе – а может, всего лишь депутат? Мне, слава Богу, хватило ума не поинтересоваться.

Тем больше я был удивлён, увидев, куда мы приехали. Не московская мэрия, не администрация Президента и даже не управление Центрального рынка. Обычная средняя школа, характерной формы грязно-белое здание, я сам в такой учился. Перед входом – пара газончиков, кусты какие-то лохматые, где-то сзади угадывалась спортплощадка.

Аркадий Львович припарковал машину возле сваренного из чугуновых прутьев забора – такими после Беслана всюду огородили территорию школ и детсадов, как бы защита от террористов. Мы в одиннадцатом классе соревновались, кто быстрее перелезет. Чемпионом был Сашка Ломовцев, одиннадцать секунд, по секундомеру сверяли. А у меня, увы, получалось только за сорок три. Что поделать – не супермен, как занялся лыжами в шестом классе, так в восьмом и забросил.

– Ну что, Андрей, тут позагораете, или сходим со мной? Я надеюсь, там недолго...

Торчать в машине, да ещё по такой жаре, мне никак не улыбалось, и я, конечно, напросился с Львовичем.

Сквозь узенькую калитку в заборе мы вошли на территорию. Не сказать, чтобы тут было безлюдно. Экзамены, конечно, кончились, но завтра – выпускной, мелкие тусуются по разным всяким делам, тётки какие-то снуют – то ли учителя, то ли из родительского комитета. Ну и плюс ремонт. Туда-сюда детишки ходят с носилками, хлам с места на место переносят, стулья таскают, красят бордюры. Судя по виду, девятый класс, то есть те, кого в десятый взяли. Типа отрабатывают. Я им даже позавидовал – вот ведь у людей какая простая жизнь, никаких тебе доцентов Фроловых, никаких уголовных Жор, таинственных авторитетов с поместьем в Тверской области... Вот сейчас они посачкуют, их распустят по домам – и рванут они по пиву, а потом толпой куда-нибудь на пляж...

Аркадий Львович уверенно вошел в здание, на вопрос толстого охранника «куда идём-с?» небрежно ответил – к Сергею Николаичу, с бумагами от Мокрухина. И, указав на меня, произнёс начальственным тоном: «это мой стажёр».

Не сбавляя скорости, Львович повернул направо и сунулся в канцелярию к директору. «Подождите здесь», бросил он и скрылся за дверью.

Пришлось подпирать стенку. Ничего мне тут не было интересно и я никому интересен не был. Будущие десятиклассники лениво таскали куда-то парты, страдая от жары и скуки. Охранник, расстегнувший форменную ментовскую рубашку едва ли не до пупа, корпел над газетой с кроссвордом. Остро пахло масляной краской и опилками.

Интересно, какие дела могут быть у Львовича в самой обычной, самой занюханной школе? Может, у него тут дети учатся? А он, раз уж такой крутой, спонсорскую помощь оказывает? Но вряд ли реально крутой отдаст сюда своих отпрысков. Не Оксфорд ведь и не Гарвард. И уж давно не Хогвартс.

Аркадий Львович оказался человеком слова. Надолго не застрял. Но по лицу его я понял, что стряслась какая-то неприятность.

– Нам надо найти завхоза, – отрывисто сказал он. – А здешний завхоз вездесущ, то есть его нет нигде. И секретарша не знает. И мобильный у него молчит. Придётся охотиться. Хочется верить, что это ненадолго.

Увы, никто из встречных толком не знал, где обретается Сергей Николаевич. Мы обошли весь первый этаж, посетили столовую, обезображенную ремонтом, спортзал, унылый и гулкий, поднялись даже на четвёртый, в актовый зал. Повезло на третьем – помог допрошенный нами белобрысый пацанёнок, уныло оттиравший стену от начертанной кем-то (возможно, им же самим) пропаганды рэпа.

– Да он в подвале, наверное, там трубы же меняют.

– О! – поднял палец менеджер по персоналу. – Теперь понятно, почему у него мобильный не ловит. Что ж, Андрей, придётся лезть в подвал.

Как оказалось, Аркадий Львович прекрасно тут ориентируется. Спустя пару минут мы уже были на первом, и, спустившись по щербатой лестнице на пролёт вниз, толкнули обитую жестью дверь.

В нашей школе мне ни разу не приходилось бывать в подвале. Да, припахивали ко всяким таскально-подметальным работам, но как-то всё выше уровня земли. И я оказался лишён такого полезного опыта. Ну да, никогда не поздно...

Подвал более всего напоминал катакомбы из какой-нибудь приключенческой книжки. Сразу за дверью начинался довольно широкий коридор с голыми бетонными стенами и тусклыми лампочками, свисавшими на шнурах с потолка. И справа, и слева виднелись боковые двери, где-то чуть слышно журчала вода, змеились вдоль стен толстые силовые кабели.

– И где ж его тут искать, – сквозь зубы пробормотал Аркадий Львович. – Ведь договаривались же, ведь знал же, что подъеду, сам же просил. А теперь лови... Вот что, сперва проверим бойлерную. Если уж трубы меняют, то скорее всего там.

– А вы знаете, куда идти? – недоверчиво спросил я. По-моему, в этом лабиринте только шпионы ориентироваться смогли бы.

– Застройка по типовому проекту, уж разберёмся, – сухо ответил Львович и устремился вперёд, к ближайшей двери слева. Та, однако, не поддавалась, как и следующая.

– Да, неприятность, – признал мой наниматель. – Что ж, придётся пойти более длинным путём.

Очередная левая дверь послушно раскрылась, впуслав нас в узкий коридорчик с низким потолком. Баскетболисту уж точно пришлось бы тут нагибаться. Лампочки располагались тут ещё реже, чем в центральном коридоре, а по потолку тянулись трубы, из их сочленений изредка шмякались на пыльный пол капли. Было тут, конечно, прохладнее, чем на

поверхности, но спёртый воздух раздражал ничуть не меньше. Да ещё у моего уха пролетело что-то с отчётливым «дззззззззззз». Я машинально хлопнул ладонью, комара, конечно, не прибил, а вот затрещина получилась нехилая.

– Не отставайте, Андрей, – повернулся ко мне Аркадий Львович. – А то ещё заблудитесь, ищи вас потом...

Да уж, заблудиться в этих дебрях в мои планы точно не входило. Я поспешил за ним, а коридор, вильнув куда-то влево, сделался ещё уже. Однако впереди тускло блеснула дверь, и это внушало надежды.

– Я думаю, это как раз проход в бойлерную, – процедил Аркадий Львович. И толкнул дверь.

Больше всего я боялся, что та окажется запертой – но нет, обитая сероватой жостью дверь послушно повернулась в петлях, омерзительно скрипнула.

И в тот же миг погас свет. Разом нахлынула тьма – будто сверху вылились на наши головы все чернила, которые тут исписали несколько поколений учеников. Пространство тут же сделалось огромным и опасным.

– Что за чёрт! – сквозь зубы ругнулся Львович. – Этого ещё не хватало!

– Что случилось? – вырвался из меня донельзя глупый вопрос.

– Хрен его знает, – мрачно отозвался мой напарник по несчастью. – Может, именно в эту минуту электрик начал чего-то колдовать в распредщите. А может, проводка у них тут совсем протухла, ремонта же ещё с брежневских времён не было. Ну Николаич, ну змей! Я ему расценки процентов на десять подниму.

– Что будем делать? – глупые вопросы сыпались из меня, как сахар сквозь дырявый полиэтиленовый пакет.

– Возвращаться назад бессмысленно, – подумав, решил Аркадий Львович. – Попробуем всё же вперёд, к бойлерной. Раз уж там затеяли трубы менять, значит, как со светом разберутся, туда в первую очередь придут. Эх, жаль, фонарь в машине остался. Придётся только так...

Вспыхнул рыжеватый огонёк зажигалки. Мрак слегка съёжился, но не отступил.

– Видимость от силы метр, – проворчал Львович. – Иди вплотную ко мне, не отставай. И осторожно, не напорись тут на железку какую.

Да уж, общая беда сближает. Аркадий Львович, похоже, сам не заметил, как перешёл на «ты», и это было куда естественнее, чем его холодная официальщина в машине.

Мы медленно двинулись вперёд. Тускло мерцал рыжий огонёк, шаги наши тяжелым эхом отдавались в сыром воздухе. Я от нечего делать стал их считать. Тридцать, пятьдесят, сто... Какой, однако, огромный подвал! Сто шагов – это как минимум шестьдесят метров, а сколько мы до того сделали? И ведь не похоже, что блуждаем по кругу – все коридоры-то здесь прямые.

Пламя зажигалки вдруг дёрнулось и заметалось пойманной в ладонь мухой.

– Сквознячком тянет, – не оборачиваясь, заметил Аркадий Львович. – Похоже, мы на верном пути.

Он прибавил шагу, я, боясь отстать, тоже ускорился – и налетел на его спину.

– Аккуратнее, юноша, это вам не в футбол резаться, – судя по тем странным движениям, что совершал огонёк, он нащупывал что-то руками. – Ага, есть. Готово!

И тут зажигалка его погасла, а тьма обрушилась на меня – точно здоровенным бревном вlepили по затылку. На миг меня окатило кипятком боли, я упал, но не ударился о бетонный пол, потому что вместо пола оказался почему-то холодный воздух, и я провалился туда, в чёрную, прорезанную жёлтыми искрами ночь, где уже не было ничего. Только тяжёлая, ватная пустота, где ни боли, ни мысли, ни звука.

«Так и не нашли завхоза», — подумалось напоследок, а потом уже ничего не думалось.

Глава вторая. Хвороба преждепамятная

По лицу моему кто-то ползал. Перебирал тоненькими ворсистыми лапками, неторопливо путешествовал от щеки к носу. Вот ведь мерзость!

Я рывком вскинул голову и увидел в солнечном луче взметнувшуюся муху. Синеватое брюшко сверкнуло бронзовым отливом.

Сейчас же отозвался болью затылок, поплыло всё перед глазами, комната заходила ходуном. Но спасибо мухе – я понял, что всё-таки жив, что кое-как могу двигаться. И думать.

Тут бы озадачиться правильными вопросами – где я и что будет дальше. Но почему-то свербил голову неправильный: чем это меня огрели, и главное, кто этот гад? Неужели Аркадий Львович? Да нет, он вроде впереди копошился...

Странно, наше блуждание в подвале помнилось довольно ясно, а вот что было раньше? Кажется, мы куда-то ехали... искать какого-то Никитича... или нет, Николаича. Ага, точно, завхоз.

Я попробовал сесть – получилось лишь со второй попытки. Переждал, когда успокоятся цветные круги перед глазами, и начал сканировать обстановку.

Нет, это совсем не походило на больничную палату. На подвал в каком-нибудь чеченском селе – тем более. Огромная, вытянутая в длину комната, площадью никак не меньше школьного класса. Невысокий потолок, бревенчатые стены, щели забиты сеном или ватой – по виду не разберёшь. В дальнем углу – окно, непривычно маленькое, и, кажется, вообще без стекла, просто квадратный проём.

Себя я обнаружил на дощатом полу, доски были неструганные, пахли смолой. Вдоль стен – здоровенные какие-то ящики, я насчитал двадцать четыре штуки. За спиной моей – приземистая, широкая дверь. Проверить, открывается ли она, мне что-то не хотелось.

Вторым неприятным открытием было то, что я совершенно голый. Ни носков не оставили, ни трусов, не говоря уже о часах и мобильнике. Зато левую руку мою зачем-то обхватывал широкий, сантиметров в пять стальной браслет. Снять его было невозможно, никаких признаков защёлки не наблюдалось, он казался цельнолитым.

Да, вот это называется попал. Во что, фиг разберёшь, но ничего хорошего ждать не приходилось. Вот и наступило время правильных вопросов. Где я? Ответ: тут. Что делать? Ответ: ждать. За что мне это? Ответа нет.

Воображение, однако, проснулось и начало генерировать идеи одна хлеще другой. Меня похитили чеченские террористы и требуют выкуп в миллион баксов. Ага, щаз. Есть у них и более денежные клиенты, а я кому нужен, кроме мамы с папой? Которые, впрочем, тоже никому не нужны, кроме меня да сестрёнки.

Или, допустим, не террористы, не чеченские, а бандиты в белых халатах, и разберут на органы. Левая почка поедет в Швейцарию, печень – в Аргентину, а прямая кишка – в Гонконг. То-то гад Львович моим здоровьем интересовался и хотел на медкомиссию загнать. Стоп. Хотеть-то хотел, но не загнал же, не успел, тогда какой смысл? Может, я сифилитик-спидоносец, а по совместительству – прокажённый наркоман? И потом, ещё неизвестно, какое отношение ко всему этому имеет Львович. Может, он точно так же лежит в соседней комнате, за стенкой.

Версия инопланетян родилась в моём мозгу радужным мыльным пузырьком, но тут же и лопнула. Что за, на фиг, инопланетяне, которые окно застеклить не могут. Да и всё это вокруг... какое-то совсем не инопланетное.

С трудом я поднялся, переждал наплыв тошноты, поплёлся к двери. Подёргал – без толку. Затем отправился исследовать ящики. Те, наверное, правильнее было бы назвать сундуками – закруглённые углы, откидывающиеся крышки... только вот не откинутся, потому

что заперты на здоровенные навесные замки. Попробовал сдвинуть один с места – бесполезняк. То ли он нагружен свинцом доверху, то ли я так ослабел.

Пришло время заняться собой – и я осторожно ощупал затылок. Нет, вроде не кровит, но шишка ощущается знатная. Чем же это меня? Новейшая разработка спецслужб – жидкий лом?

Настал черёд окна. Я долго добирался до него – кружилась голова, мутнело перед глазами, приходилось хвататься за стены. Но упорство победило.

Располагалось окно чуть ли не под самым потолком, метрах в полутора от пола, и в длину, как и в ширину, было не больше полуметра. То есть при желании в такое можно и вылезти, но что толку в желании, если сил подтянуться нет совершенно? Спасибо хоть посмотреть можно.

Ничего интересного, однако, взору моему не открылось. До земли – метра три, не больше. Внизу всё заросло крапивой и лопухами, справа и слева угадываются какие-то невысокие постройки, вдали – забор, за ним вроде бы дорога просёлочная. А вверх – самое заурядное голубое небо, пересечённое грязно-белой цепью облаков.

В общем, понятно, что ничего не понятно. К тому же от разглядывания у меня так закружилась голова, что я сполз по стенке и уселся под окном, обхватив ладонями колени. Ощутимо потянуло в сон, и я не стал бороться. Тёплыми волнами накатывало забытьё, струилось перед глазами запруженное машинами шоссе, а потом я понял, что это вовсе не машины, а лодки, и шоссе на самом деле вовсе не шоссе, а река, и плещется в ней непуганая, незнакомая с сетями и удочками рыба.

Бац! Глухой удар, точно кувалдой забивают столбы для забора. Я поначалу даже не понял, снится это или по-настоящему. Дёрнулся, разлепил глаза.

Оказалось – по-настоящему. С третьего удара дверь вылетела и плашмя упала на пол. В комнату ворвалась целая толпа. Правда, в отличие от обычной толпы, безо всякой давки. Сперва впрыгнули двое, отскочили по углам, а потом уж влились и остальные.

Вот тут я всерьёз понял, что дело плохо. Уж лучше бы инопланетяне.

Влетевшие – коренастые, крепко сбитые мужики, одеты были в какие-то странные куртки ярко-красного цвета, головы их украшало нечто вроде шапочек для душа – правда, сплетённых из мелких металлических колечек. В душе такая заржавеет... Штаны у всех были серые, то ли холщовые, то ли полотняные, на ногах – короткие, не выше голени кожаные сапоги. В руках они сжимали... да-да, самые настоящие копья, как в исторических фильмах! Короткие, метра в полтора, древко толстое, а наконечник более всего похож на древнеримский меч-гладиус. Таким, наверное, и колоть можно, и рубить. Мало того, у нескольких из них на поясе имелись кривые сабельные ножны.

Уж лучше бы с автоматами и базаками, мелькнула у меня шальная мысль. По крайней мере, как-то привычнее.

– Кой еси?¹ – сурово обратился ко мне один из тех, что ворвались первыми. Дядька лет под пятьдесят, с широкой, начинающей сидеть бородой и бесцветными глазами.

– Что? – не понял я. – Вы откуда, ребята?

– Ты, – в грудь мне уставился похожий на сардельку палец с нестриженным ногтем. – Чих будешь? Откеле? Чи сам лазняк еси?

Похоже, это всё-таки по-русски. Вернее, по-древнерусски.

Момент был ну совершенно не подходящий, однако я ничего не мог с собой поделаться – расплылся в идиотской улыбке. Сразу вспомнился меняющий профессию Иван Васильевич. «Житие мое, паки и паки».

¹ Ты кто такой?

Нельзя сказать, чтобы я так уж фанател от исторических романов, но всё-таки читал. И фантастику тоже. Например, как наши питерские ролевики в шестнадцатый век провалились, в гости к доброму царю Ване Грозному. Может, всё-таки ролевики? В Древнюю Русь играют?

Увы, эти ребята ничем не напоминали московских стрельцов или каких-нибудь киевских ратников. Разве что язык смутно знаком. Да, в общем, кое-что и так понятно. Спрашивают, кто я и откуда.

– Русский я, Андреем звать, – с опаской поглядывая на копья, начал я наводить мосты дружбы. – Православный, – добавил на всякий случай и размашисто перекрестился. Соврал, правда – родители меня не крестили, коммунисты оба, мама – секретарь школьной парторганизации, как можно? К счастью, уличить меня во лжи было бы затруднительно, креста на шее нет – так, простите, не ко мне вопрос, стырили вместе с трусами да часами. Это мне ещё повезло, что братья-славяне, а ну как воины ислама? Насчёт обрезания соврать было бы сложнее...

– Пошто руцема мовашы?² – не оценил моего религиозного рвения мужик. – Пошто наг еси?

Кажется, интересуется, отчего я голый. Очень популярный вопрос.

– Понятия не имею, – развёл я руками. – Ударили меня, по голове, – для верности я показал на затылок и жестом изобразил мощную затрещину. – И память потерял. Очнулся тут, без одежды.

– Пошто, Афанасие, зань глаголеши? – вмешался другой копьеносец, помоложе. – Речь бо проста. Лазняков хлап той есть, мыслю. Чих бо при доброте обретешя, ясна речь, тим належи. Глянь, печато ж то хлопье, – наконечником копья он коснулся браслета на моей левой руке.

– Словесно речеши, – старший явно обрадовался, что не надо больше ломать голову над загадкой. – Чудоглаголанье то, мыслю, хвороба преждепамятна есть. Юнаты, – обернулся он к остальным воинам, – несете доброту ту лазнякову до возников приказных. Ты ж, – окинул он меня оценивающим взглядом, – такожде доброта еси и приискренне путем тем пойдеши. Ксанфе, – кивнул он молодому, обозвавшему меня каким-то пошлым словом «хлап», – надзор му учини, да не утече. Да внимаши, линию самоподобно блюдуще.

– Сробимо, Афанасие, – усмехнулся молодой и вдруг, непонятно откуда достав толстую верёвку, мигом соорудил петлю. Затем ловко накинул её мне на шею и выразительно показал на дверь – мол, пошёл.

И что мне оставалось делать с этим безумием? Махать руками и ногами, судорожно вспоминая, как решал подобные проблемы Чак Норрис или Брюс Ли? Так, во-первых, не супермен я и чуть что – мигом получу копьём под рёбра. А во-вторых, глупо это – дёргаться, когда ничего не понятно. Вот разберусь маленько, как тут у них устроено, тогда и подёргаемся. Ох и подёргаемся!

И я послушно двинулся к двери. Навстречу пониманию.

2

Одно улучшение в моей судьбе всё же случилось – на складе мне выдали одежду. Не костюм, конечно, от лучших московских кутюрье, но всё-таки штаны, всё-таки рубаха. И то и другое – из грубой холстины или как там это называется. Натирают мою не привыкшую к подобным тряпкам кожу. Обуви, увы, никакой не полагалось.

² Зачем руками машешь?

Но это произошло не сразу – сперва меня вывели на свежий воздух, посадили на телегу. Комната, в которой я очнулся, располагалась, оказывается, в здоровенном двухэтажном строении, непонятно только – жилой дом или склад. Весь этот терем сложен был из толстенных, в обхват брёвен, двускатная крыша вымощена какими-то тёмными плитками – наверное, черепицей. Во дворе – множество всяких сарайчиков, пристроек. Никаких грядок и прочего сельского хозяйства – одни лишь лопухи, крапива да колючие кусты дикого шиповника.

Весь этот комплекс окружал высокий, метра в три, забор из деревянных кольев. Ворот не было – вернее, были, но обе воротины валялись в траве. Похоже, взявшие меня в плен чудо-богатыри каким-то образом выбили их. Правда, поблизости не обнаружилось ничего, смахивающего на таран.

За воротами нас ждало десятка полтора телег, запряжённых приземистыми, явно не благородных кровей лошадьми. При лошадях имелись мужики – бородатые, в каких-то тёмно-серых одеждах, несколько не напоминающих древнерусские зипуны, косоворотки, кафтаны и прочую лёгкую промышленность. Во всяком случае, в исторических фильмах всё совсем не так.

Вот жара здесь была точно такой же, как в Москве. И как воины не испеклись в своих куртках и кольчужных шлемах?

Может, всё-таки мне это снится? Или глюк? Но с чего бы глючить – траву я всего-то два раза пробовал, и то в прошлом году, а уж более серьёзному драгу говорю решительное «нет». Версия сна тоже не катит, таких детальных снов не бывает. Виртуалка? Игра? Тоже отпадает. Это только в фантастике виртуальный мир нипочём не отличишь от реальности. А в жизни ты хоть обвешайся шлемами – всё равно прекрасно понимаешь, где ты. Значит, и впрямь как в книжках с глянцевыми обложками? Параллельный мир? Но ведь бред, фигня ведь, не бывает такого!

Пока у меня кипели мозги, чудо-богатыри деловито выносили сундуки, грузили их на телеги. Приставленный ко мне воин концом копья показал на ближайшую – мол, полезай.

Тоже оказалось непростое дело. Ну нет у меня практики забирания в телеги. Колёса высокие, метра полтора в диаметре. И нет никаких ступенек в борту, типа как в маршрутке. Кончились мои попытки тем, что двое солдат по команде третьего взяли меня за локти и буквально вбросили в телегу. Молодой воин с дурацким имечком Ксанфе закрепил свободный конец петли где-то в районе заднего борта, сам легко запрыгнул на полутораметровую высоту – и спустя пару минут лошади тронулись.

По обеим сторонам пыльной дороги простирались поля, вдаль, у горизонта, сизой дымкой темнела изломанная полоска леса, и более ничего интересного не обнаруживалось. Лошади шли ровно, на взгляд скорость примерно как у быстро идущего пешехода, в час километров шесть, наверное.

– Куда едем? – рискнул я спросить у молодого. Тот непонимающе уставился на меня.

– Кой град отселе? – я попытался щегольнуть знанием старославянского, хотя сам понимал, что получается у меня не лучше, чем у режиссёра Якина с его «паки и паки». Но, удивительное дело, молодой понял.

– Кучеполь, – небрежно отозвался он.

– Град сей велик есть? – продолжил я свои филологические опыты.

– Столен, – хмыкнул молодой. – Тем убо велий. Три дни обиходень.

Это в смысле, что за три дня обойдёшь? Если в день километров тридцать делать, то получается девяносто в окружности, то есть диаметр тоже что-то в районе тридцати... Ну, можно сравнить с Москвой... Москвой моего мира.

Почему-то не верилось мне, что это всё – прошлое. Слишком уж непохоже на всё, что писали в учебниках истории, на все просмотренные фильмы и прочитанные книги.

– Долго ехать-то? – спросил я.

Молодой старательно думал, прислушавшись, можно было бы, наверное, уловить, как скрипят его несмазанные мозги. Переводит мой русский язык на своё варварское наречие.

– До заката будемо.

– А... – перешёл я к животрепещущему. – А куда меня после?

После долгой паузы молодой ответил:

– В приказе, ведомо, торг добротой той лазняковой. Во усобь, ин бо люд не пущено. Сам еси приискренне доброта, хлап лазняков, темже куплен будеши.

Тут уж задуматься пришлось мне, и надолго. Если я правильно понял, хлап – это то же самое, что холоп, то есть раб. Ни фиги себе попал! Они думают, что я принадлежу каким-то лазнякам. Которые отличаются огромной добротой. И эту доброту будут распродавать. В каком-то приказе. Кажется, так на Руси назывались министерства. Меня, получается, кто-нибудь тоже купит. Поскольку я – самая искренняя доброта. Надо же, не ожидал. Полагается, наверное, расчувствоваться и пустить слезу умиления?

Лет десять назад я бы, конечно, в этой ситуации давно уже пустил слезу. Да, может, и пять... А взрослому человеку надо встречать неприятности с сухими глазами и упругими нервами. Не помню, где я это прочитал, но понравилось.

В любом случае план остаётся прежним – не делать резких движений, осмотреться. Убивать, судя по всему, не будут – уже хорошо. А дальше посмотрим. Ну, другой мир. Примем такую версию. В конце концов, если сюда есть вход – значит, должен быть и выход. По крайней мере, в это хотелось верить. Правда, пока верилось с трудом. Слишком уж саднило на душе – будто её всю наждачной бумагой ободрали. Да, хотелось бы, конечно, выход. Но это ж не выключатель – щёлкнул раз, зажгёт, щёлкнул два – погасил. А что если это как в колодец навернуться? Где из колодца выход.

От горестных мыслей я сам и не заметил, как задремал, а проснулся уже ближе к вечеру, когда солнце ощутимо сползло к горизонту. Пейзаж изменился – поля сперва сменились деревеньками, потом потянулись огороды, непонятно чем засаженные – во всяком случае, привычной картофельной ботвы было не видать. А потом как-то незаметно огороды, сарай и склады перетекли в город.

– Кучеполь есть, – тоном проводника в плацкартном вагоне известил меня молодой командир Ксанфе.

Что-то, однако, было не так... что-то совсем не по учебнику истории за седьмой класс. Пускай это хоть трижды параллельный мир, хоть дважды перпендикулярный – но должна же быть логика? У них ведь тут явное средневековье. Копья, сабли, холопы... Лошади, наконец. Опять же, столичный город. Верно? А где же тогда крепостные стены? Где подвесной мост, ворота, стража?

Тянутся улицы – неширокие, но прямые, на удивление чистые, замощённые досками. Дома больше деревянные, не выше трёх этажей, но изредка попадаются и каменные. Палисадники, засаженные красными и белыми цветами... Людей на улицах много, одеты вовсе не в лохмотья, хотя чёрно-серо-бурая расцветка раздражает своей унылостью... они тут что, не научились красить ткани? И ещё странно – нигде я не заметил ни колодцев, ни девушек с коромыслами. Созрели до идеи водопровода? Не дозрели до идеи девушек?

Очередная странность – совершенно никакой вони. Не то чтобы совсем не пахло – чувствовались в воздухе и коровий навоз, и прелое сено, и ещё что-то кислое – но всё в пределах нормы. Может, у них тут и санэпидемстанция есть? И даже взятки не берёт?

А телеги наши меж тем уже заходили в какой-то проулок, по обеим сторонам которого тянулись огромные сараи.

– Прибыхом, – улыбнулся мне Ксанфе. – Амбары те суть приказны.

Потом была суета, выпрягание лошадей, разгрузка телег. Верёвку с моей шеи наконец сняли, спустили на землю. Ксанфе взял меня за локоть и повёл куда-то внутрь.

Там оказалось довольно светло – из-за факелов. Но совсем не таких, как в исторических фильмах. Не чадили, не воняли, горели необыкновенно ярко. Вполне даже сравнимо с электричеством.

Ксанфе явно знал, куда идти. Протащив меня по широкому коридору, он нашёл высокого седобородого старика и минут пять ему что-то втолковывал, показывая на меня. Говорили они тихо, лишь изредка доносилось: «Афонасий де рече, „лазняки“, „хвороба“». Потом он развернулся и вышел, на прощание хлопнув меня по плечу – не бойсь, мол, всё путём будет.

Старик внимательно оглядел меня и сказал:

– Вой рече, имя ти Андрей. Лет елико суть?

– Девятнадцать... С половиной, – пробурчал я, уставясь на свои голые ноги.

– Идемо, Андрее. Облик взявши, поснедаеши...

Поснедать – это было очень кстати. Пускай всего-то разносолов – ломоть хлеба, вяленая рыба и подкисленная чем-то вода, но старик по крайней мере не жмотился в количестве.

Потом меня завели в какую-то каморку и лязгнули снаружи засовом. Внутри обнаружилась охапка сена. Наверное, это здесь считается постелью. Вверху, над самым потолком – маленькое, крест-накрест забранное двумя железными прутьями окошко. Солнце, по моим прикидкам, уже опустилось за горизонт, но в каморке было пока довольно светло. Читать, конечно, я бы не смог, а вот разглядеть удобства – вполне. В углу зияла дыра сантиметров тридцати в диаметре, голова уж точно пролезет. Где-то в глубине слышался рокот текущей воды. Уж не канализация ли?

3

Наверное, в мои обстоятельствах полагалось бы не спать всю ночь, изводить себя вопросами, воображать многочисленные ужасы. Но ничего подобного – я как свалился на это сено, так и заснул, и не снилось ничего. Видимо, сегодняшний объём впечатлений равен одному удару по башке... Интересно всё-таки, кто же это меня там, в подвале оприходовал...

Утро началось со скрежета отодвигаемого засова. Я приподнялся, завертел головой – и сразу всё вспомнил.

Каморка была залита нежарким ещё, золотистым солнцем. Солома моя разметалась по полу, и немалая её часть застряла у меня в волосах. Пришлось причёсываться пальцами. Тупое занятие, конечно.

Дверь поехала вперёд, в комнату вошёл вчерашний дед.

– Изоспамши? – пробасил он. – Ну, поидемо. Поснедамши, да и на торг.

О, точно! Как я мог забыть – сегодня же собираются меня продавать, вместе со всем моим неисчерпаемым запасом доброты! Хорошо хоть, сперва пожрать дадут.

Да, для средневековья тут нравы были какие-то вегетарианские. Дед, как и вчера, повёл меня на кухню, распорядился – и заспанная бабища необъятных размеров поставила передо мной миску какого-то варева. Даже ложку деревянную выдала.

Кухня тоже потрясала размерами. По площади – как трехкомнатная квартира, если внутренние перегородки убрать. Три здоровенные печи, длинный, метров десять, стол, вдоль которого с обеих сторон тянутся узкие лавки, на стенках – пучки сушеных трав, полочки повсюду прибиты с какой-то непонятной утварью.

Похлёбка оказалась вполне терпимой. Какие-то разваренные овощи, правда, без малейших признаков мяса. Но горячая, в животе сытно – что ещё надо холопу?

– Пойдем³, – тронул меня за плечо старик.

– Продаваться за корзину печенья? – буркнул я. – Ну, типа пойдем.

Старик, похоже, иронии моей не понял, но отвечать не стал. Просто велел жестом идти за ним и неторопливо зашагал по коридору.

Вчера, по крайней мере, понятно было. Нацеленные на меня копы, аркан на шею... А вот как объяснить сегодняшнюю беспечность? Что мне стоит прыгнуть сзади на старика, задушить – и дать отсюда дёру?

Правда, такого хрен задушишь, фигура вполне себе атлетическая. А дёру... Знать бы ещё, куда. Меня тут в полчаса выловят, и тут уж последствия вполне воображаемы.

Мне сделалось кисло от собственной сознательности. Нет, никто и никогда не споёт песню моему храброму безумству. Не сокол я, а глупый пингвин. Хотя, может, и не очень глупый.

Идти пришлось недолго – старик вывел меня в огромную комнату, вернее, даже зал. Значительно больше, чем вчерашний склад сундуков.

Здесь сундуков не оказалось – но вдоль бревенчатых стен тянулись широкие прилавки, где была разложена всякая всячина. Я тут же начал разглядывать, точно в магазине.

Да ведь это и был магазин! В глазах рябило от разнообразия. Висели всякие ткани – зря я вчера решил, будто они не умеют их красить. Все расцветки, прямо как радуга. Все виды – от шелка до брезента. Какие-то резные каменные чушки, шкатулки, потом вдруг на соседнем лотке – инструменты. Напильники разные, стамески, отвёртки, шурупы... Ничего себе, тут и до шурупов додумались!

А когда я взглянул налево – чуть не сел на пол от удивления. Там был велосипед! Самый настоящий, самый земной велосипед. Не навороченный, без каких-либо современных приамбасов, на таких пожилые дачники ездят...

Волосы у меня встали дыбом, а под волосами зашебуршились самые разные мысли. В то, что велосипед родом из этого подозрительного средневековья, мне не верилось ничуть. А если он оттуда же, откуда и я, значит...

Именно. Велосипед оттуда же. И у нас с велосипедом общая судьба – нас кто-то здесь купит. А чтобы нас здесь купили, нас нужно было *оттуда* забрать. Значит, кто-то знает дорогу? Это вдохновляло.

– Уставися зде, – старик подвёл меня к углу, выделенному веревочной загородкой, и жестом велел войти внутрь небольшого, полтора на полтора метра квадрата.

Прислонившись к стенке, я продолжил разведку местности. Отсюда, из моего угла, деталей было не разглядеть, но общая картина просматривалась вполне отчётливо. Света хватало – всё те же продвинутые факелы, не дававшие ни дыма, ни копоти, а по яркости сравнимые с лампочкой ватт на сто.

Продавцов тут никаких не обнаружилось, но в дальнем углу, возле входа, имелся монументальных размеров стол, за которым восседал худенький и бледненький дядька, одетый в коричневый балахон. Перед дядькой лежали горкой несколько амбарных книг. Наверное, с этими книгами сочеталась бы чернильница с гусиным пером, но вот чего не было, того не было. Дядька скучающе поглядел на меня, отвернулся, достал откуда-то небольшой молоточек и три раза ударил им по столешнице. Судя по звуку, там стояла металлическая тарелка.

Тут же двери распахнулись, и в зал начали входить люди – по всей видимости, покупатели. Нет, они не ломились толпой, как это бывает при открытии всяких наших «Ашанов» и «Пятёрочек». Спокойно заходили, не торопясь, и вид у них был какой-то сонно-скучающий.

Не сказать, чтобы их было сильно много. Человек, может, двадцать. Больше мужчины, но и слабый пол тоже имелся в наличии. Трое тёток явно за тридцать, в длинных, до пола,

³ Пойдём.

юбках, на головах не платки, а что-то типа плоских шапочек. Естественно, тётки устремились первым делом к тканям.

Оказалось, это магазин самообслуживания. Выбрав товар, покупатели просто несли его к столу около выхода, бледный дядька о чём-то с ними говорил, потом писал что-то в амбарные книги. Я не заметил, чтобы кто-то передавал ему деньги. Впрочем, с двадцати метров не очень-то и разглядишь.

Мною никто не интересовался. Скоро я устал стоять – и сел на корточки, прислонившись спиной к стене. Ощупал затылок – шишка имелась, и мощная, но уже совсем не так болела, как вчера. Да и голова больше не кружилась. Наверное, били меня всё-таки с расчётом – не попортить товар.

Товар. Вот оно, ключевое слово. Я – живой товар, меня сейчас купят, и... В голове тут же замелькали картинки из учебника истории. Измождённые рабы строят пирамиду фараону Хеопсу и приговаривают: «Чтоб ты сдох!», а надсмотрщики поддерживают бичами трудовой энтузиазм. Древний Рим, восстание Спартака, всякие там цепи, плети, колодки и прочий инвентарь маньяков. Русь, крепостное право, на конюшне розгами, ребёнка затравить стаей борзых – я ж человек грамотный, мама таки заставила «Карамазовых» прочесть, год зудела над ухом, что без этого вообще нельзя считаться культурным человеком. Кстати, не такой уж отстой, Фёдор-то Михайлович не только старушек-процентщиц умел мочить, но и лихо закручивал детективы. Пожалуй, не хуже, чем у Акунина.

Блин, о чём я думаю! Это же мне самому сейчас предстоит, на своей шкуре! Вот же попал! Надо что-то делать, пока не поздно. А что? Выбежать из этого зала – и тыркаться по коридорам, ища выход? Даже если найду, что дальше? Это ж только в фантастических романах герой с успехом даёт сначала дёру, а потом жару. Потому что он, герой, круче яйца, он служил в спецназе, у него сто первый дан по каратэ и мощный магический дар. А то, что вокруг меня – это, увы, не роман, а жизнь. Жизнь, повернувшаяся какой-то своей безумной стороной. Проще говоря, задницей. И я – не майор спецназа, не экстрасенс, я на турнике от силы пять раз подтянусь и весь мой опыт драки – несколько случаев в седьмом классе, когда ко мне привязался толстый и наглый Ванька Облепихин. С таким багажом не берут в космонавты... в крутые герои тоже.

Что же дома-то будет? Мама, небось, уже сходит с ума, обзвонила больницы, ментовки и морги... Конечно, она помнит про мои планы насчёт шабашки, но ведь не уезжают же так сразу, не собравшись, не попрощавшись. Да и мобильный не отзывается. Папа... Ну, у него нервы покрепче, но если сегодня он ещё держится, то завтра тоже впадёт в безумие. Лучше всех Ленке – о потере брата она узнает только в конце июля, когда вернётся из лагеря. Обрыдается, ясен перец.

Менты, конечно, дело заведут – и на тормозах спустят. Конечно, если догадаются опросить Коляна, тот расскажет про Аркадия Львовича... Но Колян к тому моменту, скорее всего, будет уже в Германии бороться за зелень и пить баварское пиво. Ну а даже если и выйдут на Львовича? Может, его в нашем мире нету уже. А если во всём виноват именно Львович? Если это он, урод, отправил меня сюда? Тогда... А что тогда? Тогда он отмажется, конечно, тогда он просто обязан уметь отмазываться. Но в любом случае – не пошлют же за мной отряд ОМОНа на выручку. Экспедиция на тот свет... Ну-ну.

Кстати, тоже версия, ничуть не хуже виртуалки. Типа там, в подвале, случилась какая-то катастрофа, взрыв чего-нибудь... газовый баллон, например, и оба мы с Львовичем померли, и оказались в... Конечно, это место ничуть не похоже ни на рай, ни на ад, но кто сказал, что тот свет устроен по типовому проекту христианских проповедников?

Нда... Версия красивая. Только вот велосипед всю малину портит. Он что, тоже умер и, так сказать, вознёсся? Или всё-таки местного производства, а никакая не «Украина»?

Похоже, я периодически всё же задрёмывал, потому что когда в очередной раз вгляделся в окружающую реальность – покупателей почти уже не было. Все, кому надо, отоварились.

Интересно, а если меня вообще никто не купит? Раз уж тут средневековье, то, наверное, своих холопов более чем достаточно. Которые, кстати, в десять раз крепче меня, умеют косить траву, запрягать лошадей, знают всякие ремёсла... Моя товарная стоимость тут близка к нулю. За что меня ценить? Уж явно не за доброту. Стоило ли меня похищать из нашего мира, чтобы выручить тут пару медяков? То ли дело велосипед! В электричестве не нуждается, бензин заливать не нужно, простая механика. Небось, подороже породистого коня выйдет...

Но, оказалось, пришёл и мой черёд. Рядом остановился среднего роста мужчина явно за сорок, с пробивающейся сединой в тёмных волосах, загорелое его лицо изрезали тонкие морщинки, по левой щеке змеился белый шрам.

Одет он был неброско, но вполне добротно – серая плотная куртка довольно странного покроя, штаны заправлены в короткие сапоги, на широком кожаном поясе визит не слишком длинная, но всё равно внушительная сабля. Лоб перетянут голубой лентой с вышитыми ней золотистыми молниями. Чем-то он походил на кота. Чёрного, с белым пятнышком на хвосте. Этаким старым, опытным ветеран помоек, мастер зубокогтевого боя, любитель пропустить рюмочку валерианки и оприходовать юную киску.

– Хлап лазняковый, – с утвердительной интонацией произнёс мужчина. Голос у него оказался довольно мягким, с таким голосом надо по телеку излагать прогноз погоды. – Лет елико ти?

– Девятнадцать, – хрипло отозвался я.

– Хворобу кою чи имаши?

Ясное дело, интересуется состоянием здоровья. Может, напугать его спидом? Так ведь не поймёт, дикарь.

Я развёл руками. Мол, как хочешь, так и понимай. Медицинскую справку всё равно не представлю.

– Ну, добре есть, – сказал он и жестом велел мне перешагнуть верёвку. Похоже, сделал свой выбор.

Может, сделать и мне? Выхватить у него саблю, рубануть сверху вниз по шее – и дёру? Ах да, совсем забыл, я же не майор спецназа. Да и кроме того... как-то не привык я рубить живых людей. Мясо из морозилки – всегда пожалуйста, а дядька-то этот чем виноват? Только тем, что родился в ненужное время и в ненужном месте?

Отставив геройские идеи, я пошёл вместе с мужчиной к столу, где ожидал нас регистратор торгов.

– Вот, Линеславе, – указал на меня покупатель. – Пиши на мене. Елико ж пинезей?

– Григорий рече, двоедесят малых сереброгривен, – сообщил чиновник.

– Ну, пиши, мзда та не страховидна есть. Кое ж имя той мает?

Мог бы, кстати, и у меня спросить. Что я, лошадь безъязыкая?

– Писано – Андрей, – заглянул в амбарную книгу чиновник. И тут я увидел, чем он делает записи, что заменяло ему романтическое гусиное перо.

Обыкновенная шариковая ручка. Такие в электричках продают по три штуки на десятку.

Регистрация покупки свершилась в рекордный срок, и мой теперь уже законный владелец тронул меня за плечо.

– Пойдемо, Андрее. Кони те заждавши. Да не зыркай бирючы, линия ти про ста будет. Такожде и хвороба та целима есть.

Утешает, значит. Интересно, какую это хворобу он во мне обнаружил? И что за линию имеет в виду?

4

Усадьба у боярина Волкова оказалась не очень-то и масштабна. Всей челяди, как я понял из его объяснений, пока мы ехали в телеге, одиннадцать человек, я двенадцатым буду. И дом тоже – далеко не царский дворец и даже не княжеский терем.

Участок, прочем, довольно приличный, соток пятьдесят, подметил я глазом опытного дачника. И состояние вроде бы вполне приличное – двор чисто подметён, перед домом клумбы с цветами, где-то за домом – примыкающие к нему сараи, овины и амбары, ещё дальше – огороды и сад.

Дом оказался всего лишь двухэтажным, впрочем, первый этаж каменный, что, наверное, считается тут немереной крутизной. Второй – из брёвен, крыша черепицей крыта, причём разноцветной – синие, красные и чёрные плитки составляли затейливый узор.

Я поймал себя на том, что приглядываюсь к дому точно покупатель. Ещё немного – и скажу: «заверните». Нет чтобы терзаться мрачными мыслями. Похоже, их, мрачных, слишком много выплеснулось из меня в «торговом зале», и теперь внутри было какое-то отупение.

Пожилой мужик, правивший лошадьми, соскочил с телеги, закрыл здоровенные ворота на брус толщиной с руку, продев его в чугунные скобы. Потом принялся неспешно распрягать лошадей.

– Пойдем, – потянул меня за рукав боярин Волков Александр Филиппович.

И мы поднялись на высокое, метра в полтора, крыльцо, прошли сквозь тёмные сени, затем – в просторную комнату никак не меньше той, где я вчера очнулся. В центре имелся длинный стол, вдоль него тянулись узкие лавки, а по стенам – лавки широкие, не меньше метра на вид. И эти широкие лавки были застелены каким-то тряпьем. На стенах висели пучки сушеных трав, отчего запах тут держался вполне приличный – полынь и ещё что-то, к чему я сходу не сумел подобрать названия.

– То хранина людская, – пояснил боярин, садясь на ближайшую лавку. – И снедают ту, и почивают людие. Разумеешь ли?

Разуметь-то я разумел, но мысли мои сейчас занимал другой вопрос. Уместно ли сесть, или так вот и придётся стоять столбом перед боярином? Какие у них тут правила?

– По ты писано, – продолжал Александр Филиппович, – держит бо ты хвороба та преждепамятна. Темже убо и мове словенской худо разумеешь.

Я, наконец, решился и сел рядом. Будь что будет. В конце концов, я ихней мовы не разумею, значит, мне простительно.

– Что такое хвороба преждепамятная? – всё в том же отупении спросил я боярина.

– Восстани – поморщился он. – Неподобно при господине том хлапу сидючи. А хвороба та известна есть, да целима. Димитрие! – неожиданно громко крикнул он, и в комнату поспешно вошёл крепкий парень, года на три постарше меня.

– Той, Димитрие, ин хлап нам есть, – объяснил ему Волков. – Андрей имя имеет. Хворобой той держим преждепамятной. Ты теки борзо до лекаря Олега, да явится спешно. Светлану покликай, да поснедать ему сноровит. А такожде брата меньша того пришли борзо.

Какие они тут, однако, заботливые. Это у нас что, крепостное право или санаторий? Как-то настораживал меня здешний гуманизм. Не бывает так.

– Не убойся нимало, – повернулся ко мне боярин. – Еже мнится ти, морок есть, памятование за преждежитие. Темже и мову ту словенску забымши, и порядку тому дивуючись. Едину месяцу ще не истекшу, здрав будеши.

В комнату вошла средних лет тётка с подносом в руках. Ловко поклонилась боярину, скептически зыркнула на меня и опустила поднос на стол. Из объёмистой миски тянулся пар, несколько крупных ломтей серого ноздреватого хлеба тоже были весьма кстати – как и внушительная, никак не меньше полулитра, кружка молока.

– Рекут, хлап той есть, – буркнула она, указывая на меня боярину, – так пошто поднести му? Ноги мает, до поварни дошел бы.

Спасибо, тётя, ты мне тоже не понравилась с первого взгляда. Буфетчицей бы тебе в какой-нибудь совковой забегаловке. Но, однако, что за нравы? Рабыня делает замечания господину. А как же боярская честь? На месте Волкова я бы её на конюшню отправил. Ну, или хотя бы намекнул на такое развитие событий.

– Остави, Светлано, – спокойно ответил ей Александр Филиппович. – Линия ти да не крива буде. Хвор бо, мове той худо разумеет, порядку не ведаючи. Жалобу имай до отрока.

– Жалобу ту вчера уже имамши, – тут же отбрила его баба, – Олёне той. Темже блюду линию, да будет проста.

Что это они всё «линия» да «линия»? И слово, по-моему, даже не русское. Точно! Есть же английское «line». А в английском, кстати, оно откуда?

Вредная Светлана вильнула задом и удалилась, и сейчас же в комнату вбежал рыжий пацанёнок лет одиннадцати-двенадцати, в перемазанных землёй холщёвых штанах и длинной, почти до колен, светло-серой рубаше.

– Кликамши, господине? – не особо старательно поклонился он боярину. – А пошто кликамши?

– Алексие, – строгим тоном сказал Александр Филиппович, – той есть Андрей, хлап, купих того на торгу сего дни. Держим бо хворобою преждепамятной, темже убо нашу мову словенску худо разумеет, и порядок тот такожде. При тебе той будет, заедно роботу ту садову сполняючи. Ты му пособиши мову ту воспомянути, язык бо у тебе метле подобен. По вечёре возмеши того, а ныне ступай борзо, работа та заждавши тя, мыслю.

Нет, как-то недооценивает боярин Волков моих способностей. Я практически всё понял. Меня тут считают чем-то типа помешанного, с отшибленной памятью, и собираются лечить. А для лучшего усвоения языка мне навязали общество юного лоботряса с языком как помело. Ровесника моей сестрёнке... О чём вообще с такими мелкими говорить? Уж лучше бы меня поручили заботам юной девы красы неописуемой, с косой пяти сантиметров толщиной и в кокошнике... отставить кокошник, он, кажется, был только у замужних.

Ну дела! Там, наверху, явно кто-то есть – и Он меня услышал. Вновь отворилась дверь, и в людскую вошла – нет, всплыла! – девушка моей мечты. Всё как заказано – стройная фигура, розовые щёки, толстая коса... а уж пять ли там сантиметров, можно будет потом измерить, в более подходящей обстановке.

Одета, конечно, совсем не по-летнему. Голубовато-серая юбка до пят, выше пояса – лиловая накидка с золотистой вышивкой, в волосах – серебряный обруч.

– Простой линии, тятенько, – изрекла она с порога и задумчиво оглядела меня. – Рекут людие, нова хлапа купимши? А потребен ли?

Так. Тятенька... Это гораздо хуже. И что-то не замечаю радости по поводу моего появления.

– И такожде линии простой, – весело ответил ей тятенька. – Глянути пришедши, Аглаю? Андрей имя той мает. Да держим той хворобой, целению убо нужен.

– Чудотвориши, тятенько, – поджала она некрашенные, но очень выразительные губки. – Чи пинезем счету не маеши?

А фиг ли тебе, девочка, считать папины доходы? Я смотрю, тут вообще какие-то не феодальные нравы. Не вижу трепета перед боярином. Может, у них тут вообще матриархат?

– Иди, иди, Аглаю, – негромко велел боярин, и дочь как-то вдруг съёжилась, – да глянь, чи лекарь тот пришедши?

Девушка развернулась и вышла, колыхнув своей просторной юбкой.

– Ты снесдай, Андрее, – напомнил мне боярин.

Да, о больных тут неплохо заботятся. Вот что будет, когда меня сочтут здоровым? Небось, загрузят работой от забора до обеда, учитывая изначальные затраты.

– Снесдаючи, зде сиди, – поднимаясь, велел Александр Филиппович. Мне вдруг вспомнилось, что именно так звали Александра Македонского. Тоже папа Филлипп, и фильм об этом деятеле я смотрел.

Интересно, тут был свой Александр Македонский?

...А ничего, кормят прилично. Те же разваренные овощи, что и утром, но здесь они были щедро сдобрены мясом. Хлеб тоже оказался значительно вкуснее магазинного. Я даже молока выпил, хотя и не люблю с детства. Не так страшно оказалось, кстати. Явно не порошковое.

Я доел, расположился на лавке поудобнее. Странно, однако. Если это людская, то где же люди? Впрочем, ещё не вечер, работают наверняка. То же, кстати, и меня ждёт, едва лишусь статуса «держимого хворобой». Гнуть спину с рассвета до заката. Самое страшное, что с рассвета. Терпеть ненавижу рано вставать.

Похоже, я снова задремал – воздух как-то заструился, поплыли в нём радужные пятна, точно бензиновые разводы на лужах, и по лужам этим бежали неуклюже Жора Панченко и Аркадий Львович, скованные одной цепью в районе щиколоток. Над ними извергался ливень, асфальт пузырился, из канализационного люка фонтанчиком била грязно-бурая вода, изображая из себя горную речку...

– Вот, погляди того, лекаря. Сморимши того, видать.

– При хворобе той преждепамятной не дивно, – второй голос был низок и гулок. Ну прямо оперный бас.

Я рывком поднялся на лавке. В комнате стояли двое. Боярин Волков – и длинный тощий мужчина, почти полностью облысевший. С ног до головы закутан он был в чёрный балахон широкого покроя, грудь его украшала серебряная цепь, на которой висела какая-то блямба весом, очевидно, в килограмм. Пучок скрещенных молний, штук шесть, схваченных в центре многолучистым кругом, видимо, изображавшим солнце.

– Кое ти имя, юнате? – хмуро спросил представитель местной медицины. Чем-то он был раздражён, и потому очень смахивал на участковую нашу врачиху Тамару Сергеевну, которая очень не любила ходить по вызовам, и потому при температуре ниже тридцати восьми её лучше было не приглашать. Сходу выдвигала версию о симуляции и отказывалась писать справку для института.

– Знаете, я вообще-то не юннат, – поднимаясь с лавки, сообщил я неприветливому лекарю. – Никогда не любил возиться с хомяками и морскими свинками. Я в детстве лыжами занимался, и ещё ходил в кружок программирования на вижуал бейсике.

Лично мне от этого чёрного доктора ничего не надо, так что я выпибаться под него буду?

– Глаголь, глаголь – лекарь почему-то нисколько не обиделся, – не обинуячись, навичной ти мовой глаголь.

Ну, поговорить можно. Я прочитал ему вслух несколько текстов «Наутилуса» и «Зимовья зверей», таблицу первообразных для простейших функций и совсем уж было вознамерился поведать классификацию аппаратов искусственного брожения.

– Довлеет, – прервал меня лекарь. И, повернувшись к боярину, добавил. – То истинно преждепамятная хвороба. Но добре, что мова та есть словенской сходна, темже хвороба удо-
белительней.

Он положил на стол свою котомку – этакий врачебный чемоданчик, только не ручкой, а на лямке. Хмурясь, что-то оттуда вынул – несколько склянок размером не более спичечного коробка. Взял глиняную кружку, из которой я пил молоко, понюхал и, видимо, одобрил.

– Воды из колодезя, – распорядился, не оборачиваясь. Буквально через минуту в комнату внесли бадью. Та самая вредная баба Светлана и внесла. Нет чтобы боярская дочка потрудилась...

Лекарь зачерпнул кружкой из бадьи, потом накапал туда что-то из своих пузырьков. Я уж думал, всё готово, но лысый обхватил кружку ладонями, подышал туда и быстро-быстро что-то зашептал. Не иначе, колдует.

Я с трудом удержался, чтобы не рассмеяться. Вот уж во что никогда не верил, так это во всякие магические штучки, которыми полны газеты бесплатных объявлений. «Ведунья тётя Мотя снимет дурной глаз и откроет чакры за полцены». А вот девчонки у нас в группе относились к этому серьёзно. Что с них взять – тупые.

– Пей, – протянул мне кружку лекарь.

– Небось, горькая, – буркнул я, но послушно плотнул. Судя по вкусу – самая обычная вода. Ну что сказать? Шарлатан. Ну так на то у них и средневековье. И как с такими врачами они ещё все не перемёрли?

– Скончавши я, – сообщил лекарь боярину. – Зелье му борзо поможет.

– Добре, Олеже, – кивнул ему боярин. – Ступай. Завтра ты две овцы на двор. Простой линии.

– И ты такожде, – вежливо кивнул лекарь, собрал свою котомку и удалился.

– Тако вот, Андрее, – подвёл итог боярин. – Начаток целению тому есть. Сего дня здесь будешь, а завтра к садовому тяжанию тому приставимшись. Олекса ты в разумение введет.

И он с чувством исполненного долга удалился.

Итак, завтра начнётся. В разумение меня пацан введет? Ну, посмотрим, кто кого.

Глава третья. Изгиб линии

1

Нет, они меня явно недооценили. Какой там месяц – уже через две недели я болтал по-местному так, будто и родился в этом самом Великом княжестве словенском. ВКС – обозвал я его мысленно. Язык оказался не больно-то и сложным – другое дело письменность. Тут у меня пока учителей не было, рыжий Алёшка оказался безграмотным как пень.

– А на кой оно мне, крючки эти складывать? – недоумённо ответил он на вопрос о школе. – Нам, холопам, и без этой мороки прожить можно. Пусть бояре да учёные глаза портят.

Вспомнив всё из того же учебника истории, как учили в древнерусских школах, я подумал, что в Алёшкиных словах некая логика есть.

Только вот можно ли назвать окружающую действительность древнерусской? В ту ли историю я попал? На вопрос, какой сейчас век на дворе, пацан тут же ответил: двадцать второй.

– От чего считаете? От рождества Христова? – на всякий случай поинтересовался я.

– Чё? – вылутился он, и веснушки на его физиономии проступили ещё яснее. – Какой такой Христов?

– Вы что же, не христиане? – тут уж мне пришёл черёд выпадать в осадок. – У вас что, князь Владимир не крестил Русь?

– У тебя, Андрюха, опять помутнение в уме, – засмеялся мальчишка. – Ерунду какую-то несёшь. Какие такие христиане? Это кто? И не было у нас никакого князя Владимира, а был князь Велимир. Это вообще... такой козёл... враг словенского народа. Он тысячу лет назад нас предал, киевские земли Элладу сдал, эллинским наместником заделался, панархонтом. Говорят, по любви огромной, к базилиейне эллинской. Ну, короче, с тех времён эллины тут всё захватили, свои порядки завели.

– Ни фиги ж себе, – вырвалось у меня.

– А то ж! – голосом экскурсовода подтвердил пацан. – Мы их пятьсот лет терпели, а потом сказали: хватит, это земля была нашей. За Учение аринакское спасибо, конечно, пригодилось. А вот пушниной сами торговать будем, и лесом, и налоги ваши уродские, и законы сами напишем... Ну, в общем, даже и воевать пришлось, у эллинов базилей Янакий такой тупой оказался, не понял сходу... Великая сеча была при Корсуни... Наших двадцать восемь человек полегло, а эллинов аж сорок три. С тех пор они поумнели, торговать торгуют, в Круге опять же три голоса им, по праву старшинства, а больше того – ни-ни.

Если бы я в тот момент не сидел на земле, пропалывая грядки с репой, то уж точно бы упал. Блин, что за мир, где я оказался? Великая сеча, счёт двадцать восемь – сорок три, и пятьсот лет об этом помнят!

Полуденное солнце жарило от души, наверное, на все тридцать градусов. Пот струился по лбу, но я даже утереться забыл – настолько всё это меня долбануло.

– Так от чего же вы всё-таки счёт ведёте? – спросил я растеряно. – Говоришь, сейчас двадцать второй век?

– Ага, – подтвердил пацан. – От прихода Аринаки в Элладу, от начала Учения аринакского.

Я мельком подумал, что, наверное, не ту линию выбрал. Мне бы не на пищевую промышленность поступать, а на филфак МГУ. Ведь двух недель не прошло, а мало того, что

и понимаю всё, и по-ихнему болтаю как свой, так ещё мысленно перевожу здешнюю речь на современный язык, причём без каких-либо усилий, всё автоматом происходит. Вернусь – надо будет бросить эти бродильные установки вкупе с гнусным доцентом Фроловым. Поступать на филфак. Блин, а как же тогда армия? Отсрочка же ёкнется.

О чём я думаю! Отсрочка, филфак! Сперва ещё вернуться надо, в свой мир, а там уж... Да, конечно, если есть вход, то должен быть и выход. Да где ж его искать? У кого спрашивать?

Когда я начинал говорить, что попал сюда из другого мира, на меня глядели с жалостью. Здесь это называется «преждепамятной хворобой». То есть пробуждается в человеке какая-то «прежняя память» – и стирает всю нормальную, ту, что с рождения в нём копилась.

– А что такое прежняя память? – спросил я тут же у поварихи Светланы. Баба, кстати, оказалась не такой уж и злобной, просто настроение у неё как флюгер.

– Так о прежней жизни, – недоумённо ответила тётка, накладывая нам в миски дымящейся просяной каши. – Которой раньше жил, пока там не помер и здесь не родился.

– Где это «там»? – пока каша не остыла, можно было заняться допросом местного населения.

– Ну, в том шаре, – непонятно ответила она. – Шаров много, в одном помираешь, в другом рождаешься. А тут помрёшь – и в следующем родишься. И так без конца.

О как! Тут, что ли, верят в переселение душ? Оригинально. Хорошую религию придумали индусы...

– Откуда же у вас такая вера взялась? – недоумённо протянул я. – Тут же не Индия какая.

– Откуда-откуда, – буркнула Светлана. – Не моего ума то дело, я вот всё больше за скотиной хожу и вас, дармоедов, кормлю.

– Я не дармоед! – тут же встрял Алёшка. – Я, между прочим, всю морковку проредил!

– Будешь во взрослую беседу лезть, – тут же поставила его на место Светлана, – компота не получишь.

Ужасная угроза... У нас бы как минимум прозвучало «уши оборву».

– А ты, Андрейка, – кинула она на меня печальный взгляд, – хворый ещё пока, вот и не понимаешь. Линии не чуешь. Ты вот лучше боярина спроси, про шары-то, он муж учёный...

Однако с боярином пока пообщаться не удавалось. В доме за него руководила доченька Аглая. Как выяснилось, жена у Волкова умерла в позапрошлом году, от какой-то «синей лихоманки». Вот подросшая дочь и тренируется, репетирует роль хозяйки. Сам же боярин куда-то уехал по делам службы. Служба, кстати, оказалась довольно серьёзной – в Уголовном Приказе, здешнем аналоге МВД. По словам дворни, ловил душегубов, озорующих на дорогах. Насколько я понял, должность имел крутую. По-нашему – никак не меньше генерала.

– Лёха, а у вас тут что, и душегубы есть? – спросил я на другой день пацана, когда мы по указанию садовника, деда Василия, поливали яблони. Тяжёлая, кстати, работа. Здесь ведь до насосов не додумались, здесь не шлангом поливаешь, а как негр, таскаешь воду вёдрами из бочки.

– А что ж им не быть? – Алёшка не удивился вопросу, но посмотрел на меня снисходительно, как на несмышлёныша. – Известное дело. Люди же разные бывают. Одни блюдут свою линию, а есть, которым на неё плевать. Им бы сейчас потешиться, кусок радости урвать, а что потом будет, им до факела. Вот и сбиваются такие в стаи, разбойничают, крадут, пакостят честным людям...

– И что, много таких?

– Много-немного, а есть, – наставительно сказал Алёшка. – Для того и Уголовный Приказ есть. А для вредоумных – есть Учёный Сыск.

Ишь ты, ещё и Учёный Сыск какой-то...

– Мне поначалу, как сюда попал, показалось, будто у вас все ну прямо такие добрые люди, все такие милосердные... – усмехнулся я.

Алёшка меня не понял.

– Добрые – это как? Что значит добрый человек? Так не говорят. Это всё равно как сказать: вместительный мужик... не мешок, понимаешь, а мужик...

– Вы чего тут, совсем? – поразился я. – Добрый... ну это значит добрый, значит, всех любит, всех жалеет, всем помочь пытается...

– Опять тебя несёт, Андрюха. Добрый... ну это же слово для вещей. Ну вот гляди: топор добрый, значит, в топорище плотно всажен, не вылетит, заточен правильно, не затупится. Добрый конь – значит, здоровый, выносливый, команды слушается. Добрый тулуп – значит, без дырок, все застёжки на своих местах, зимой всяко обогреет.

Тут до меня, наконец, дошло, как же понимать двухнедельной давности слова насчёт моей доброты. Ударение-то было на втором слоге. Добро́та – попросту имущество. Сундуки в той комнате, куда ворвались стражники Уголовного приказа, были имуществом неких загадочных «лазняков». Вот и меня сочли имуществом, со всеми печальными последствиями.

Впрочем, не столь уж и печальными.

Как-то всё тут было не по учебнику истории. Во всяком случае, пока я никаких ужасов феодализма не заметил. В усадьбе боярина Волкова жизнь текла спокойная, размеренная. Да, работали много, этого печального факта не вычеркнешь – как и того, что вставать действительно приходилось в самую рань. Однако и непосильной эту работу не назвать. Даже я, не шибко-то привычный к физическому труду, уже довольно скоро втянулся. Кормили тут сытно, спать ложились рано, так что и на хронический недосып я пожаловаться не мог. В Москве бывало и хуже – когда до трёх ночи сидишь за компом, а в полвосьмого надо уже вставать, чтобы успеть к первой паре.

Народ в усадьбе подобрался какой-то спокойный, всерьёз никто не ссорился. Даже нервная повариха Светлана по своей стервозности явно не дотягивала до среднесовковой буфетчицы. Жили люди по издавна заведённому ритму, каждый знал, что делать, никто не носился с палкой и не подгонял. Интересно, это только у боярина Волкова такая идиллия, или здесь все так?

Я выплеснул ведро на взрыхлённый возле яблони круг, отдышался. Ещё двадцать вёдер сюда – и можно переходить к следующему дереву. Что поделаешь, стоит жара ну прямо как в Москве, сад нуждается в поливе. Вот и Алёшка выплеснул своё ведро и тоже стоит, отдыхая перед очередной пробежкой к бочке.

А вот как тут у них поддерживается трудовое усердие?

– Слышь, Лёха, – нарочито лениво спросил я, – а вот прикинь, ты сейчас вместо того, чтобы поливать, смотаешься из усадьбы, ну там с уличными пацанами на пруд, или что-то типа. Чего тебе за это будет?

Мальчишка задумался. По-моему, мысли о пруде его уже не раз посещали.

– Дед Василий отругает, – ответил он наконец.

– И только? – не поверил я. – А не накажут?

– Наказывают совсем глупых, кто слов не понимает, – разъяснил пацан. – А мне с детства всё про линию растолковали. На фига мне её кривить? Мучайся потом...

– Как это – линию кривить? – не понял я. Давно, кстати, надо разобраться, что это все они чуть ни слово, «линию» какую-то поминают.

– Совсем ты хворый, – тоном совершающего обход главврача констатировал Алёшка. – Совсем всю жизнь свою забыл. А ведь тебя, как и всех, учили. Линия – она у каждого есть, и её нужно прямой держать. Вот сбегу я на пруд, это радость, так?

– Само собой, – улыбнулся я.

– Значит, линия моя в радость искривится. Это сейчас. А потом она вильнёт в беду какую. Мало ли... Хорошо если по мелочи, живот там разболится или зуб... А если что похуже?

– Ну например?

– Ну вот братана моего, Митяя, боярин с собой возьмёт на отлов душегубов... Уже два раза брал... Вот возьмёт, а там случится чего плохое? Так ведь и с батькой было, когда мне шести ещё не стукнуло. Его там конь душегубский копытом по голове... Батька до зимы болел, а потом и помер... А может, не сейчас долбанёт, а в другом шаре. Какая разница, душе-то всяко больно...

– Как-то непонятно говоришь... Наверное, и сам не понимаешь толком, а за взрослыми повторяешь, – я не упустил случая поддеть его. – Так что, выходит, у вас тут холопов вообще не наказывают? Боярин такой... – слово «добрый» уже не годилось, что ж, на ходу изобретём замену, – мягкосердечный?

– Боярин наш правильно линию держит, – с достоинством сообщил Алёшка. – И свою, и за нашими следит, мы ж не чужие ему. Бывает, кого и наказать приходится, чтобы линию-то выровнять.

– И как же у вас наказывают? – перешёл я к самому интересному. Всегда полезно заранее прояснить свои перспективы.

– Ну, на хлеб с водой посадить могут, – начал загибать пальцы Алёшка, – это раз. Лишнюю работу дать. Это два. Меди месячной лишить – это три.

– Какой меди? – не понял я.

– Ну, монет. Каждому в месяц медные деньги даются. Каждому по боярской воле. Мне вот три деньги положено. Ну, чтоб человек мог себе купить чего по малости. Орехов там в меду, или пояс новый, я вот целый год копил на ножик.

Бесценное сокровище сейчас же было вынуто из кармана и продемонстрировано. Мда... До складных ножей здешняя промышленность не додумалась, таким ведь и порезаться недолго, пускай лезвие длиной в ладонь и замотано грязной тряпкой.

Тут, значит, холопам и зарплата положена? Ну, совсем малина! Слышали бы об этом бесчисленные замордованные поколения – оттуда, из нашего, нормального и правильного мира.

– Что, – усмехнулся я, – и это все меры воздействия? А розгами на конюшне? Или вам тут и слово такое не знакомо?

– Почему же незнакомо? – удивился Алёшка. – Иные господа, бывает, холопов и секут, как по старинке. Только наш боярин такого не одобряет. Ученые говорят, что если человека пороть, то свою линию изогнуть можно. А он себя блюдет, Учение назубок знает, с учёными чуть что советуется. Ну и посчитали ему, что бесполезно это будет.

– Нам, значит, везёт, – хлопнул я его по плечу.

– Почему же везёт? – вновь озадачил меня Алёшка. – Нам-то это не всегда хорошо. Боярин о своей линии заботится, а вот, к примеру, Митяй весной коня боярского не тем зерном накормил, ошибся... травленное взял, посевное. Мыши-то его не едят, да и конь сдох... Надо наказывать, так? Ну и боярин его до Урожайного Дня меди лишил. А Урожайный День ещё нескоро, почти два месяца ждать. Митяй у него в ногах валялся, выпори, мол, шкуру всю спусти, только денег не забирай. Он же медь копит, на подарок, девушке своей, Катерине. Как раз на Урожайный День и собирался дарить. Зеркало заговоренное. А теперь всё... А Катерина, может, решит, что не мила ему, и если Амфилохий ей чего подарит, она ж ним, а не с Митяем гулять станет...

– Весело тут у вас, – я не нашёлся, что и сказать. – Суров, выходит, боярин? Линию, говоришь, блюдет? Ты можешь толком объяснить, что же это за такая линия, на которой вы все сдвинулись?

– А чего я-то? – насупился мальчишка. – Из меня объясняльщик плохой, ты лучше деда Василия спрашивай, он старый, много знает. А ещё лучше боярина, когда из похода вернётся. Боярин – он такой, порассуждать про Учение любит.

И, подхватив свою опустевшую бадейку, Алёшка направился во двор, к необъятных размеров бочке.

2

– Ну как, Андрей, обживаешься? – тон у боярина был на редкость благодушный. Ну, понятное дело – вернулся человек из командировки, попарился в бане, вкусно поужинал, принял, видно, на грудь... надо бы, кстати, выяснить, какой у них алкогольный ассортимент... за проведённые тут семнадцать дней ничего крепче кваса мне не доставалось. А ведь наверняка изобилие... настойки всякие, наливки, медовухи... не говоря уж о пиве.

– Да помаленьку, – сдержанно ответил я. – Вроде бы и неплохо тут у вас, да как-то странно. Очень уж отличается от моего мира.

Насчёт мира я высказался не случайно. Пускай начнёт впаривать мне о «преждедепамятной хворобе», а там уж разговор можно выкрутить на всякие интересные вопросы.

– Да ты садись, – Волков указал на низенькую скамеечку возле стены. – Нароботался же за день, ноги, небось, гудят.

Я не преминул воспользоваться приглашением. Не то что бы ноги и впрямь отваливались, но предлагают – бери.

– Я смотрю, разговаривать по-нашему ты уже научился, – заметил боярин. – Лекарь-то опытный, дело своё знает...

– Да лекарь-то ваш при чём? – не выдержал я. – Подумаешь, проблема, язык освоить. Не так уж и отличается от нашего... ну, от языка того мира, откуда я к вам попал.

Я перевёл дыхание, огляделся ещё раз. Боярская горница, куда он вызвал меня для беседы, не поражала роскошью. Комната как комната, ну, ковры на стенах. Тоже невидаль, у нас в московской квартире и помасштабнее висят. А здесь и краски тусклые, и рисунок скучный – орнамент какой-то. На той стене, что у двери – оружие развешано. Сабли какие-то, разной степени кривизны, кинжалы, топорики, нечто вроде булавы, только рукоять почему-то гнутая. Вот и всё великолепие. Зато боярское ложе – обычная лавка, как у нас в людской, застелена только шкурой, не поймёшь, то ли волчья, то ли рысья. В шкурах я как-то не бум-бум. Но лучше бы волчья – с учётом фамилии было бы стильно.

– Лекарь-то очень даже при чём, – возразил боярин. – Он снадобье изготовил, которое во много раз ускоряет постижение языка. Есть в мозгу человеческом такие каналы, по которым мысли движутся. Разные мысли по разным. Вот снадобье и прочистило те из них, которые за восприятие речи ответственны. А иначе ты бы не меньше года понимал с пятого на десятое. Ну и, конечно, практика языковая. Не зря же я к тебе Алёшку приставил. Мальчик не самый усердный и не самый расторопный, но вот болтает без умолку, а это в твоём случае то, что надо.

Ишь ты, нейрофизиология местного разлива в популярном изложении! Представляю, как бы Александр Филиппович разъяснял дифференциальное исчисление... если, конечно, здесь до него додумались.

– Однако, – продолжил боярин, – болезнь твоя никуда не ушла. Язык тебе восстановили, а вот остальное... Скажи, ты ведь, наверное, всех тут доставал вопросами, что, как и почему? Понял что-нибудь?

– Да не особо, – слегка преуменьшил я свои достижения. – Всё к вам посылали, боярин, типа, у нас учёный человек, он лучше растолкует...

– Да какой я учёный человек, – вздохнул Александр Филиппович. – В кучепольскую панэписту, ну, училище высшее, и впрямь поступил, да только после двух лет уйти пришлось. Отец мой помер, пришлось наследство принимать, а значит, и должность его в Приказе. Так что преувеличивает дворянскую мою учёность. Книжки читаю, конечно, но это же не заменит систематического образования...

– Тоже вот два курса закончил, – выдержав для приличия паузу, отозвался я. – Московский институт пищевой промышленности. И вопрос, закончу ли остальные три.

Намёк мой, кажется, был достаточно толст, но боярин впрямую не ответил.

– Вот видишь, – сказал он, – ты ничего не помнишь о своей жизни в нашем шаре. У тебя преждепамятная хвороба, Андрей. Это значит, что воспоминания о прошлой жизни твоей души, в другом шаре, пробудились и вытеснили всю твою здешнюю память.

– С этого места хотелось бы поподробнее, – заметил я. – Что значит «шар»? О какой «прошлой жизни» идёт речь?

– Да, – вздохнул боярин, – болезнь твоя очевидна. Ты даже не замечаешь, что говоришь совсем не в той манере, как холоп должен обращаться к своему господину. Однако я не в обиде, я же понимаю, чем это вызвано... Так вот, придётся начать с самых основ. Ты знаешь, что в человеке есть душа? Что не тело, а именно эта бесплотная сущность – хранительница нашего ума, нашей памяти, способностей, привычек, склада характера?

– Ну, приходилось слышать, – усмехнулся я. – У нас многие люди в такое верят.

– А ты?

Интересно, у них тут за атеизм на костёр волокут, или как? Впрочем, у меня же великолепная отмазка, в случае чего мне медики от костра освобождение выпишут.

– А я как-то не задумывался. По-моему, душа – это... выдуманное какое-то понятие. Вот есть тело, есть мозг, есть нервы... ну, то есть примерно те самые каналы, о которых вы мне разясняли... По нервам проходит электрический импульс... этот импульс и называют мыслью. Вот вам и вся душа.

– Глуповато, – прокомментировал боярин, – но я не буду спорить. Что бы ты себе насчёт души ни вообразил – она есть. Это научный факт. Так вот, душа бессмертна. Тело человеческое умирает, потому что в теле есть чему болеть, гнить, портиться... А душа – в ней распадаться нечему, она вся такая... единая, что ли. Не как дом, сложенный из брёвен, а как вода или огонь... Цельная сущность.

– Ну, я допускаю подобную точку зрения, – мне захотелось проявить плюрализм. К чему спорить... всё-таки он боярин, он тут, как сказал бы Колян, масть держит.

– Ну, благодарю, – усмехнулся в усы Александр Филиппович. – Тогда едем дальше. Как же совместить, что тело смертно, а душа нет? На самом деле всё просто, душа переходит из тела в тело. Но только – в разных шарах. Здесь человек родился – значит, в каком-то другом шаре он умер, и душа его, просочившись через разделяющие шары преграду, влилась в тело новорожденного. А как вырастет человек, состарится, умрёт – его душа в другой шар перелетит...

– Так что же вы называете шаром?

– Примерно то же, что и ты, когда говоришь слово «мир». Шар – это земля, по которой мы ходим, воздух, которым дышим, вода, которую пьём. Это деревья, травы, это города и деревни, реки и моря, самые дальние страны... Раньше, в древности, люди думали, что шар – один-единственный. Но двадцать два века назад великий мудрец Аринака принёс истину – шаров много. Их бесконечно много. Можно пересчитать звёзды в небе, можно пересчитать песчинки на берегу, но шары не пересчитаешь.

– Кстати, о звёздах, – подал я голос. – Они в каждом шаре свои?

– На сей предмет у учёных нет единого мнения, – после секундной паузы ответил боярин. – Сам Аринака полагал, что звёзды, планеты, солнце и луна едины для всех шаров,

что это сущности надлунные, небесные, а шары включают в себя только земное. Но с тех пор две с лишним тысячи лет прошло, появились разные теории. Например, что шар объемлет и звёздную сферу, и планеты. Сами же они, шары, плавают в некоей среде, непроницаемой для вещества, но не для души. Пока душа слита с телом, тело её ограничивает, не пускает из шара в шар. Но как только она вырывается на свободу – сразу же проникает в ближайший шар и вливается в уготованное ей тело.

– Кем уготованное? – похоже, наша ученая беседа плавно переходит к вопросу о Господе Боге.

– Это так, фигура речи, – поморщился боярин. – Никто на самом деле ничего не уготовил, действуют законы природы, понимаешь? Вот если ты выльешь на землю ведро воды, как она потечёт? Первым делом – в самое низкое место. Кто ей такой путь уготовил? Ты? Нет, просто такова сущность воды – стремиться вниз. Так же и с душами. Есть какие-то непознанные нами законы... Но давай всё-таки перейдём к главному.

– Давайте, – согласился я. Чем дальше, тем тревожнее было. Наверное, точно то же чувствует пациент в больнице, когда врач сообщает, что со здоровьем его возникли какие-то неожиданные напруги.

– Так вот, главное в том, что когда душа переходит в следующий шар, в ней сохраняются все воспоминания о прежней жизни, но они как бы заперты в ней и недоступны человеку. В самом деле, представь, как ужасно было бы помнить всю бесконечную череду прежних шаров. Любой человек сошёл бы с ума. Сил нашего разума хватает только на осознание одной жизни. Есть, конечно, специальные способы, чтобы увидеть мысленным взором какие-то случайные кусочки из прошлого шара, но это требует долгих тренировок и не всем доступно. Случается, однако, что замок, запирающий в душе прежнюю память, портится, и тогда она вырывается на волю, захлестывает сознание. А поскольку лишнего места в сознании нет, то старая память смывает новую. Это и есть «преждепамятная хвороба». Именно это и случилось с тобой, Андрей.

– Что-то не сходится у вас, – ухватился я за внезапно пришедшую мысль. – Сами же говорили, что в душе всё едино, цельно, что там разлагаться нечему – и вдруг какие-то замки, которые портятся...

– Не придирайся к словам, – махнул рукой Волков. – Я же просто хотел объяснить понятнее, про замок. На самом деле всё сложнее, конечно, и что запирает прежнюю память, мы не знаем. Может, такой замок находится не в душе, а в теле, где-то в мозгу. В общем, постарайся признать очевидное – ты не попал сюда, в наш шар, каким-то загадочным образом. Ты родился тут, прожил девятнадцать лет – а потом с тобой случилась эта напасть. И ты вспомнил прежнюю жизнь. Всё, что ты помнишь – это не морок, не бред. Это правда. Это действительно было с твоей душой – там. Потом ты умер, в том своём мире. А здесь родился.

– Неувязочка, – заявил я. – Душа душой, а тело? Вот это самое тело? – ткнул я себя пальцем в живот. – Это чьё же тело? Меня, который девятнадцать лет назад родился здесь? Или моё тамошнее тело? Я же прекрасно всё помню. Вот этот шрам на ладони – я в пятом классе на даче гвоздём распорол. Вот эти зубы... – тут мне не повезло. Вернее, как раз всю жизнь везло – ни разу к стоматологу не ходил, идеальные зубы... Жаль, а какое было бы железное доказательство – пломба...

– Тут нет ничего странного, – возразил боярин. – Просто получилось так, что там ты умер в том же возрасте, в каком здесь заболел. Одно молодое тело может быть очень похоже на другое. К тому же душа способна в какой-то мере влиять на тело... вот твой шрам – он, возможно, возник из-за болезни, когда душа, руководимая прежними воспоминаниями, начала перестраивать по ним твою плоть. Пойми, преждепамятная хвороба – штука хоть и редкая, но изученная. Ты не первый такой... Приходилось мне читать об этой болезни, правда, лицом к лицу раньше таких людей не встречал. Я ведь потому и купил тебя... Дума-

есть, тут некому в огороде репу пропалывать? Просто за неделю до того вышел у меня один досадный случай... в общем, надо было линию выровнять жалостью.

– Ну, спасибо! – издевательски поклонился я. – Я-то думал, вы чисто по-человечески... Оказывается, линия. Тут все про какие-то линии говорят. И что же это вы тут чертите?

– Ступай, Андрей, – боярину, похоже, надоел разговор. – Про линию после потолкаем, а ты пока обдумай уже сказанное. И не расстраивайся сильно, в нашем шаре тоже можно жить...

3

Да, в городе было что посмотреть. Во-первых, базар. Во всяком случае, для моего спутника Алёшки это было самое интересное место. Ещё бы, кончился здешний месяц «расплодень», боярин выдал каждому медную зарплату. Не миновала она и меня. Нет, я не ждал с замиранием сердца, но было любопытно, во сколько же Александр Филиппович оценивает мой бесценный садово-огородный труд. Оказалось – целых десять медяков.

– Один в город не ходи, – велел он. – Митяя с собой возьми или Алёшку. Ты же цен не знаешь, торговаться, я так подозреваю, тоже не умеешь. Обдерут, как берёзку на веники.

Насчёт Митяя – это, возможно, было тонкое издевательство. Лишённый денежного довольствия, парень вряд ли отправится гулять по базару. Только расстраиваться.

Зато Алёшка мгновенно навязался мне в спутники.

– Пошли, я тебе всё тут покажу, тут такие места есть! Ух...

Ух так ух. Одному мне всё-таки было бы в этом Кучеполе как-то не по себе.

– Слышь, Лёха, а отчего город так называется? – спросил я, едва мы вышли из ворот Волковской усадьбы. Впереди полого спускалась вниз улица, почему-то именовавшаяся Брунничной. Была она, как и прочие, прямой – что очень не совпадало с моими представлениями о средневековом городе. Впрочем, он и не средневековый – двадцать второй век. Город будущего... Интересно, вообще здешнее время как-то соответствует нашему? Что было в нашей истории, когда у них тут объявился этот монстр Аринака?

– Кучеполь-то? – вопрос, похоже, пацана нисколько не занимал. – Да разное говорят. Вроде как помойка тут была здоровенная, из окрестных деревень сюда мусор сволакивали, в кучи. Оттого и назвали так.

Он выждал, искоса поглядывая и, очевидно, ожидая моей реакции. Не обнаружив её, скучным голосом продолжил:

– А вообще-то здесь чуть не тысячу лет назад была усадьба. Боярин жил, эллинский, его тут ихний базилей землёй наделил. Агамемнон Анмеподистович звался, только его так никто и не звал, а только по прозвищу – Куча. Потому что толстый был и противный... как куча. Ну, сам понимаешь чего. Но он купцов привечал, они тут строились, мастерские всякие ставили, торг большой завели... ну и так получилось, что город вырос.

Какие-то смутные ассоциации зашевелились в моей давно не стриженной голове – но так и не прорвались на поверхность, утонули в подсознании.

Чем дальше мы шли – от окраины к центру – тем больше менялся город. Если раньше глазу не за что было зацепиться, кроме однообразных усадеб, повёрнутых к улице задом и огороженных высоченными заборами, то сейчас появилось и что-то вроде площадей, и даже сквериков, среди которых тянулись к нему трёх и даже четырёхэтажные каменные дома, увенчанные тонкими башенками.

– Тут учёные живут, – уважительно прокомментировал Алёшка.

– И по каким же они наукам мастаки?

– Наука всего одна, – в мальчишеском голосе отчётливо проступила сталь. – Это Учение Равновесия.

– Ишь ты, – только и оставалось ответить. Мне до сих пор никто так и не разъяснил, что такое «линия», «Учение», «Равновесие». Понятно, что повариха да пацан тут не лучшие собеседники, старший садовник, дед Василий, знает больше, но общаться с ним – один большой геморрой. Глух старик, вопросы ему надо чуть ли не в волосатое ухо кричать. Да и что-то не слишком он со мной разговорчив. Тут боярина надо допрашивать, только вот после того долгого и странного разговора про переселение душ он ни разу меня к себе не позвал. Да и, справедливости ради отметим, дома он бывал нечасто. Известное дело – наша служба и опасна, и трудна...

Что-то ещё цепляло глаз, какая-то странная деталь обстановки. Или, вернее, отсутствие чего-то. Я минут пять таращился вокруг, силясь сообразить, чего же тут не хватает. Вроде и дома, и старательно мощённые булыжником улицы, и дощатые тротуары даже... всё как у людей. Всё как в образцовом средневековом городе. Но...

Не было церквей. Вообще никаких. Ни золочённых православных куполов-луковок, ни острых шпилей католических соборов, ни чего-то похожего на мусульманские минареты. Я сообразил, что ведь и в усадьбе не слышал никаких разговоров о божественном. И Алёшка тогда ещё удивился моим словам о Рождестве...

У меня порой бывает, что где мысль – там и язык.

– Чего-то я не пойму, Лёха, – я притормозил пацана, шустро устремившегося на какую-то боковую улицу. – У вас тут вообще ни в какого бога не верят, что ли? У вас про них говорить не принято?

Мальчишка вновь окинул меня снисходительным взглядом.

– Почему не верят? Что боги есть, все знают. Только какая разница, что есть они, что нет?

– Это как же? – не понял я.

– Ну, есть они, – деловито разъяснил Алёшка. – Перун есть, Мокошь есть, Стрибог... и эти, эллинские, Афина там, Зевс, Посейдон... Но от них же ничего важного не зависит. Боги не могут сделать человека более счастливым или более несчастным, – произнёс он явно заученную фразу. – Они не могут никак сместить Великое Равновесие. Поэтому и молиться им смысла нет. Лучше о них вообще не думать. Известное дело, кто много о богах размышляет, кто надеется на них, у того линия кривится, и человек потом страдает.

Он говорил что-то совсем уж немыслимое. Как такое возможно. Или человек не верит ни в каких богов, ну вот как я, или, если уж верит, то должен их бояться, должен надеяться на их милость... А по Лёшкиным словам, выходит, что для них боги – ну как для нас какие-нибудь чёрные дыры в космосе. Ни светят, ни греют.

– А вот если Перун тебя за такие наглые речи молнией шандарахнет? – искусительно произнёс я.

– Не, не шандарахнет, – беззаботно ответил пацан. – В грозу не надо в поле ходить, вот от молнии и убережешься.

– Чего-то я тебя не понимаю, – протянул я. – Вот смотри, он бог, Перун. Так? Он над молниями властен. Захочет – и поразит тебя молнией, посреди ясного неба.

– Да, не понимаешь ты, – вздохнул Алёшка. – Ты не огорчайся, я тоже не сразу понял, дед Василий мне много раз толковал, да и Митяй. Вот смотри, всё, что с нами случается, зависит от нашей линии. А линия зависит от Равновесия. Поэтому если кого молнией шандарахнет, так это его линия к тому привела. Тут уж какая разница, молнией ли убило, или от серого моря, вот как мамка моя, или зимой под лёд провалиться... Всё по Равновесию выходит, и никакой Перун ничего против Равновесия сделать не может. Если у меня линия прямая, то не будет молнии, а если будет молния – значит, линия крива, значит, это из-за какого-то её старого изгиба. Не бога с молнией надо бояться, а линию погнуть.

– Это что же, у вас тут все такие философски грамотные? – съязвил я.

– Есть ещё тёмные люди, – признал Алёшка, – которые богам больше верят, чем линии. Но их мало, и они в каких-то глухих деревнях живут. Ну и дикие, конечно, только это не в Княжестве, это в восточных степях... Правда, это сейчас. А в древности всякое было. Думаешь, легко Учение на словенские земли пришло? Волхвы бунтовали, мучили народ... Знаешь такой город, Новгород? Далеко-далеко северу от нас будет... Так они вообще восстали и своих учёных в реке потопили. И три века без Учения жили. Настрадались... Их князь Всемога замирил, лет двести тому назад. Суров был князь, перебил новгородских воинов без числа... может, человек даже сто. И волхвов тамошних наказал – на Белое море их отвезли, посадили в ладью без руля и вёсел и сказали: пусть с вами будет по линиям вашим. Ну и не видели их больше.

– Это что, тебе дед Василий всё рассказывает? Что же при мне он молчун молчуном?

– А не любит он тебя, – разоткровенничался Алёшка. – Говорит, чужой ты, и своим никогда не станешь. Наглый, говорит, не уважаешь ни старость, ни чин. Боярину нашему что ни слово дерзишь, и вообще... Ты не обижайся на него, он дед правильный, он линию блюсти умеет. Только не понимает, что ты больной пока на голову, и потому тебе простительно...

Я с трудом удержался, чтобы не отвесить наглецу подзатыльник.

– Пришли почти, – Алёшка между тем легко переключился на другое. – Вон за тем поворотом уже и базар. Слышишь – шумно?

Я, в отличие от вредного деда Василия, глухотой не страдал. Да этот здешний базар и невозможно было не услышать. Крики, конское ржание, лязг металла, музыка – всё это сливалось в неповторимые звуки.

– Что покупать-то станешь? – дёрнул меня Алёшка за рукав. – Не решил ещё?

– Погуляем, посмотрим, – махнул я рукой.

Ещё пара минут – и мы уже были на базаре. Вернее, не так – базар всосал нас, как комар всасывает вожаделенную каплю крови, как пылесос всасывает мелкий мусор. Чехарда лиц, крики зазывал, толкотня, какие-то чумазные детишки путаются под ногами, одуряюще пахнет пряными травами, сырой кожей и грибами, перед глазами мелькают яркие ткани, острые косы, блестящие бусы... Казалось, мы мчимся сквозь всё это великолепие со скоростью хорошо разогнавшейся иномарки, а не бредём в тесной толпе. Как бы тут не заблудиться... Если мы с пацаном разминёмся, то возвращение домой станет нехилой проблемой.

– Пойдём, где леденцы, – решительно потянул меня Алёшка.

Ну, понятное дело, ребёнок. Как бы ни пыжился рассуждать по-взрослому, а натура берёт своё. Ладно, к леденцам так к леденцам.

После мы прошлись по фруктовым рядам. Не сказать, чтобы изобилие по сравнению с московскими рынками. Об апельсинах тут и понятия не имели, не говоря уже о бананах. Наверное, здешний Колумб заблудился и Америку не открыл. А всего верней, ему просто денег на экспедицию не дали. Нечего куда не надо линию гнуть. Так что ни помидоров, ни заурядной картошки, без которой мне уже было как-то тоскливо.

Зачем, спрашивается, я тут брожу? Этот пёстрый мир мне чужой, и я ему чужой, верно говорит старый маразматик Василий. Единственное, что мне нужно – это найти выход... а там уж лучше Жора с его наездами и разводками, уж лучше доцент Фролов, конвертирующий экзаменационные оценки... Какие-то линии, какое-то Равновесие, дурацкая вера в переселение душ – и не в Индии, не в Японии, а у нас, в России... ну, пусть не в России, а в Великом княжестве словенском – какая разница? Нет, я понимаю, им-то хорошо, спокойно... Войн почти и нет, зверств тоже не замечается, с голоду не мрут... Они, может, даже и утопию построили... только мне она зачем? Мне домой надо.

– А вот там всякие дудки продают, гусли, – дёрнул меня куда-то влево Алёшка. – Пойдём поглядим, там красиво играют.

Возжаждала, значит, музыки тонкая его душа... Что они тут понимают... Слышали бы настоящую музыку... Нет, ну пускай не «Бивни мамонта», а вот «Чижа» там, «Короля и шута», «Наутилус»...

Вокруг музыкального прилавка было особенно тесно. Толпились, конечно, не покупатели, а слушатели. А играли двое.

Один – тощий, костистый парень с копной немых, перехваченных красной лентой волос наяривал на какой-то струнной бандуре. Может, это и была бандура, кто знает. По виду – просто изогнутая доска с натянутыми струнами. Струн много, уж пара десятков точно будет.

Второй была девчонка, совсем ещё подросток, и пятнадцати не наберётся. Одета в скучное платье мышинного цвета, полностью скрывающее фигуру. Играла она на какой-то нестандартной, раздваивающейся дудке.

Музыка была, прямо скажем, не потрясная. Может, местным такое и нравится, но мне эти мелодические перебивы напоминали девчонкино платье – столь же унылые.

Кто-то кидал им мелкие монетки в странной формы шляпу, кто-то стоял и восхищался на халяву – последние преобладали.

Я отвёл взгляд от музыкантов и пригляделся к выставленным на продажу инструментам. Ничего знакомого. Колян и Вован меня бы тоже поддержали. Какие-то дудки, какая-то фигня, напоминающая скрипку, но с одной струной, бандуры, типа той, что у парня с красной ленточкой, барабан...

О, хоть что-то дельное! Барабан был невелик размерами, в диаметре от силы сантиметров сорок, но высота – с две мои ладони, а это уже неплохо. Зачем-то его сбоку увешали кучей медных бубенчиков, а палочек к нему, видимо, вообще не полагалось.

– Эй, дядя, – окликнул я меланхоличного продавца, глубоко задумавшегося о чём-то глубоко личном, – это у тебя сколько стоит?

Продавец, невзрачный мужичка лет пятидесяти, вынырнул из спячки. Внимательно осмотрел меня, отчего-то напомнив выражение «глаз – как рентген».

– Это – из самого Рима-города привезено, – произнёс он слегка нараспев. – Его великий мастер делал. Для умелых людей, не то что... – дядька выразительно показал глазами на музицирующую парочку. – За двадцать грошей отдам... может быть.

Алёшка, наглый бесёнок, тут же вылез из-под моей руки.

– Какое там двадцать? Да ты, купец, так его никогда не продашь! Смотри – бока изодраны, небось, мыши погрызли. Колокольчики вот ах позеленели, сроду, видать, не чистили их. Андрюха, тут и пяти грошей не будет. Какой дурак на такое позарится?

– Ты что плетёшь, пострел? Да это же редчайший инструмент! – с готовностью взорвался дядька. – Его триста лет назад мастер Джулиани создал! Тот самый Джулиани...

– Не, – пренебрежительно махнул рукой Алёшка. – Не Джулиани. Бубен твой, по всему видать, какие-то умельцы тверские склепали. Козьей кожей обтянули, раскрасили – вот тебе и весь Рим. Тут никак не больше пяти грошей... Ну, может, шести!

– Этот инструмент стоит двадцать грошей! – заявил продавец. – В крайнем случае восемнадцать. Понял, наглец? Тоже мне, от горшка полвершка, соплей полный нос, а туда же, торговаться лезет! Да у тебя ни одного гроша, небось, и нет, а есть только вредный язык!

– Андрюха, покажи ему гроши, – ничуть не обидевшись, прокричал Алёшка. И, дотянувшись на цыпочках до моего уха, шёпотом добавил: – не все.

Я сунул руку в карман, на ощупь отделил несколько монет и предъявил продавцу. Потом убрал на место и заметил:

– Да и проверить твой барабан надо. Может, у него за триста лет кожа прогнила, да и звук нулевой.

Слово «нулевой» тут вряд ли знали, но смысл дядька уловил.

– Ну, попробуй, – протянул он мне барабан. – Покажи, на что способен, а уж инструмент – он и сам себя покажет...

Непривычно как-то, без палочек, ну да ладно, на крайняк сойдут и ладони. Знал бы этот сморщенный, в каких условиях приходилось нам в «Бивнях» репетировать...

Я перекинул через плечо широкий кожаный ремень, провёл пальцами по днищу – оно, как и полагалось, слегка пружинило. Что бы им изобразить? Хип-хоп тут явно не поймут, да и рок тоже... Впрочем, плевать. Пусть будет наше, бивнёвое. К примеру, «Съезд крыш», гениальная музыка – наша с Коляном, уродские слова – Риткины.

Закрыв глаза – лица собравшихся мне сейчас были совсем не нужны, я вспомнил ритм. И простучал вступление, не ладонями – верхними фалангами пальцев. Слова всплыли сами, и, беззвучно выпевая их, я повёл основную тему.

Ты сидишь,
С тоскою смотришь в окно —
А там
Темно —
Давно,
Да всё равно
Тебе же всё равно,
Куда
Теперь
Бежать от себя,
В какую забиться щель —
Потеряна цель,
На мель
Села твоя лодка.
Поверь —
Ни доза, ни водка
Не спасут.
Ты теперь сам себе
Всевышний суд,
И крадётся в твоих мозгах
Приговор,
Как вор,
Унёсший твою крышу.
Слышишь?
Съезд! Это съезд сорванных крыш,
Мест больше им нет,
Поверь, малыш,
Больше нет мест
Ни на земле, ни в прогнившем небе!

И пропуская сквозь себя ритм, я вдруг понял, что *хочу* этот барабан. Джулиани ли, Страдивари – пофиг, но это мой, по-настоящему мой инструмент. Естественное продолжение моих рук, моих нервов, моего дыхания.

Я погладил пальцами шероховатую кожу, снял ремень с плеча и протянул барабан продавцу.

– Ну, качество среднее. Звук так себе... Но за семь грошей, может, и взял бы...

– Чего это ты такое настучал? – шепнул мне Алёшка.

– Да есть один такой великий музыкант, Чижик его фамилия. Вот это бессмертное творение – его авторства.

– И сыграть-то ничего путёвого не может, – тут же завёлся торговец, – а, вишь, за семь грошей инструмент хочет. Пятнадцать – меньше ну никак нельзя!

– За пятнадцать пускай твой Джулиани покупает, – Алёшка перехватил инициативу. – А наша цена – семь грошей. Ну, в крайнем случае восемь...

Продавец с готовностью возразил, Алёшка ответил... и понеслось. Бесплатный цирк для зевак. Вон как уши развесили, тут же прямо спектакль разворачивается. Музыканты продолжают играть свою нудятину, кидая на нас косые взгляды. Ну да, понятно, мы отвлекаем внимание публики. Интересно, кто же они друг другу? Брат с сестрой? Отец с дочерью? Любовники? А может, попросту партнёры по бизнесу?

Минут через десять Алёшка сделал невозможное. Они с пожёванным дядькой сторговались на десяти грошах. Пацан торжествующе обернулся ко мне – мол, победа! Гони наличность!

Я сунул руку в карман, сжал монеты в горсти. Вот сейчас мы расплатимся, ремень барабана будет ласкать моё плечо, мы придём домой, я повешу инструмент на стену в людской... и... И он будет висеть там, украшать интерьер. Ну кому я буду играть, кому тут нужны современные ритмы? Что мне, переучиваться на «во поле берёзку»? И каждый раз, глядя на барабан, вспоминать наш подвальчик, наши репетиции, Коляна, Вована, Ритку... мой родной мир, затерявшийся в каких-то извивах мироздания...

– Знаешь, дядя, – сказал я, так и не вынув из кармана руку, – плоховат всё-таки звук. Видать, кожа таки подгнила. Мы пойдём, уж извини, а ты тут сиди, лови удачу. Может, кто и поведётся, купит. Пошли, Лёха.

– Ты чего? – круглыми глазами уставился на меня мальчишка. – Совсем с ума соскочил? У тебя же хватит грошей, я что, зря всё?

– Спасибо тебе, конечно, – я потрепал его по нечёсанным рыжим волосам, – и торговаться ты умеешь. Может, когда-нибудь купцом станешь. Только вот я решил – не нужен мне этот барабан. Да пойдём, пойдём, тут, видишь, уже косятся на нас. Хватит, и без того достаточно поразвлекали народ.

Мы двинулись дальше. Базар гудел, звенел и трещал, нас толкали, и мы тоже наступали на чьи-то ноги. Нам предлагали топоры, перепелиные яйца и репу, галлийское вино и эллинские хитоны, чудо-мазь от облысения и сапоги-скороходы. Действительно, подтвердил Алёшка, так они называются. Быстрее в них ходить не станешь, но обувь известная, из лучших, понятное дело – костромское производство...

Кострома... А ещё раньше мальчишка упоминал Тверь... Выходит, с нашим миром даже и географические совпадения. Разве что Москвы нет...

Всё, однако же, кончается, кончилась и наша прогулка. Садящееся солнце напомнило мне о времени, и мы отправились в усадьбу – тихими, разомлевшими от жары улицами. Коротким путём, как объяснил пацан. То есть какими-то закоулками, где и домов-то нормальных не было, одни сараи и лабазы, густые заросли крапивы и метровые лопухи.

– Слышь, Лёха, – пришла мне на ходу неплохая идея, – а вот брат твой, Митяй... Ты говорил, боярин его наказал, денежного довольствия лишил, а ему на подарок надо... Сколько ему в месяц давали-то?

– Восемь грошей, – откликнулся Алёшка. – А что?

– А подарок этот, зеркало, кажется – оно сколько стоит?

– Дорого, – вздохнул пацан. – Грошей за тридцать можно выторговать.

– Знаешь что, возьми ты эти мои десять грошей, отдай брату. Не на что мне их тратить...

– Как не на что? – поразился мелкий. – Да хоть на пряники!

– Староват я уже для пряников, зубы берегу. Короче, держи! Ему нужнее. Что я, не понимаю? Девушка, любовь... Сам пострадал по этой теме... И ещё когда боярин даст, тоже отдам.

Ошалевший от моего благородства Алёшка, однако же, деньги взял и немедленно спрятал в карман. Практичный мальчик растёт...

Я подумал о Митяевской девушке. Интересно, какая она? Если как Иришка, то мне заранее жаль парня. Ничего ему не светит, конкуренты вроде Амфилохия стопудово отобьют. И ещё по какой-то странной ассоциации я подумал о боярской дочке, Аглае. Вот я уже месяц тут обитаю, и сколько раз она на меня посмотрела? Такое ощущение, что всего один – тогда, в первый мой день в усадьбе. Ну, понятно, кто я для неё – движимое имущество, ещё одна голова в поголовье... А кто для меня она? Тело, конечно, роскошное, даже уродская местная мода её не портит. А уж если представить её в самом минимуме одежды... а потом методом дифференцирования этот минимум свести к бесконечно малой величине...

– Стоять, козлы! – грубый голос оборвал игру моего воображения. – Не рыпаться, хуже будет.

Непонятно, откуда они взялись. Только что улица была совершенно пустой, глядела на нас окрашенными в тёмно-зелёный цвет заборами – и вдруг перед нами трое. И ещё трое – топчутся сзади.

У меня неприятно заныло в животе. Не люблю встречаться с гопниками. После каждой такой встречи остаются мучительные воспоминания – и на душе, и на теле. Эх, если бы я, записавшись в пятом классе в секцию бокса, не бросил её спустя месяц! Если бы я вместе с Женьком Соломатиным пошёл в девятом классе на таэквандо! Звал ведь Женёк, стрёмно ему было одному... Увы, увы... Моего физического развития вряд ли хватило бы и на одного из этих гавриков. А уж на шестерых...

Гаврики лыбились. Были они не то что бы великаньих габаритов, но и хлипкими не казались. Все одеты по-простому, серые рубахи, полотняные штаны заправлены в короткие сапоги – мне сразу же подумалось, что носком такого сапога получить по яйцам – это гарантированно остаться без потомства. Рожи какие-то невзрачные, мышинные. Двоим на вид было примерно как и мне, возраст третьего я на глаз определить не сумел. Может, двадцать, может, сорок, если не больше. Он-то и казался самым опасным.

– Вы чего? – тоненько спросил Алёшка. – Вам чего надо?

– Молчи, крысёнок, – процедил старший. – Деньги есть?

– Нету, – Алёшка кинул на меня отчаянный взгляд.

– А попрыгать? – усмехнулся главарь.

– Ты что, сдурел? – заверещал мальчишка. – Вы же... ты же... Оторвы гнилые! Вы же себе линии гнёте! Вам же за то беда выйдет! Вас стража словит! Да я... Да я знаете кто?! Да я дворовый человек боярина Волкова, Александра Филиппыча, он в Уголовном Приказе старший подъячий! Да он вас всех поймает и в крысиный поруб засадит!

Один из стоявших впереди ухватил Алёшку за ворот и открытой ладонью вlepил по лицу. Пацан заверещал, светлая рубаха его окрасилась тёмно-бурым – из носу выплеснулась кровь.

– Звенит, – удовлетворённо протянул парень и сунул правую руку в мальчишкин карман.

Я прекрасно знаю, что махаться с гопниками нельзя – если ты не Шварцнегер, конечно. Добьёшься только того, что отметелят до полной инвалидности. Лучше спокойно расстаться с содержимым карманов. Были случаи убедиться.

Но тут... что-то сломалось во мне, пузырь здравого смысла порвался точно воздушный шарик. В ушах зазвенело, глаза заволокло радужной пеленой, и я прыгнул. Ногой, с разворота... и локтем в нос, а как согнётся – ребром ладони под ухо...

Мечты, мечты! Я не успел даже зацепить того, кто держал Алёшку – коротким, незаметным движением старший врезал мне под ребро, и сейчас же подскочили задние, швырнули на землю. Низ живота затопило огненной лавой – видимо, пошли в ход ноги.

– Не по лицу! – скомандовал старший.

А им и плевать было на лицо – у брошенного наземь человека полно всяких интересных для ножной обработки мест – печень, почки, рёбра.

Извернувшись, я попытался хотя бы прижать колени к животу – и успел увидеть, как Алёшка, резко нагнувшись, цапнул держащего его парня за руку. Всеми своими недавно отросшими коренными зубами. Тот, взвывая, на мгновение разжал пальцы – и мальчишка бросился вниз по улице с хорошей спринтерской скоростью. Укушенный дёрнулся было за ним, но главарь коротко пролаял:

– Некогда.

Он сказал что-то ещё – я не расслышал, в голове мутилось, а пожар в животе разгорался всё яростнее. Почувствовал лишь, что меня схватили под руки и куда-то тащат, а ноги мои волочатся по немощёной земле, чертят в пыли какие-то извилистые линии.

Линии... Вот уж самая неподходящая сейчас мысль. Но вместо того, чтобы вырываться или хотя бы звать на помощь, я вдруг задумался над Алёшкиным криком: «оторвы». При чём тут оторвы? Сравнение гопников с «девицами лёгкого поведения» – это как-то странно...

Я не слишком понимал, куда меня тащат, всё мелькало перед глазами и расплывалось бурными пятнами. Вот какие-то заборы... крапивные джунгли, бурьянные леса... вонь помойки, блеск воды, сваленные брёвна... Заходящее солнце светит то справа, то слева, скачет оранжевым волейбольным мячом...

В себя я пришёл только когда ощутимо потемнело. Вытянул шею, оглядываясь.

Когда-то это было домом – до пожара. «Красный петух клюнул», вспомнилась мне вдруг народная фразочка. По-здешнему, кстати, звучит почти по-русски: «червон петел укле-васта».

Чёрные, обугленные стены. Толстые брёвна, крепкие – не обвалились, выдержали. А вот крыша частично обрушилась, торчат отдельные стропила, перечёркивают синее небо. Пола нет – доски выгорели до земли, и я стою на головешках. Стою и не могу шевельнуться – спина упирается в какой-то столб, руки и ноги привязаны к нему же.

Что-то мокрое касается моей щеки. Похоже на половую тряпку. Да, тряпка и есть – кто-то смывает мне с лица пыль и кровь.

– Что, Гонша, порядок? – этот голос я вспомнил. Главарь неопределённого возраста.

– Угу... Готов, – у стоящего сзади и потому невидимого мне Гонши голос совсем молодой, явно недавно сломавшийся, у нас бы этот Гонша в десятый класс ходил.

– Время... – вздохнул главарь и остановился передо мной, цепко, изучающе оглядывая.

– Звать как? – коротко спросил он.

К чему играть в Штирлица? Я же всё равно ничего не знаю – ни где золото партии, ни какого цвета трусы у Евы Браун...

– Андрей, – прохрипел я.

– Прозвание! – после недолгой паузы последовал вопрос. Это он что, насчёт фамилии?

– Чи... Чижик.

– Лет сколько?

– Девятнадцать.

– Ладно, хорош. Белой, давай шуруй. Да скоро, солнце садится.

Худенький и юркий тип со странной кличкой Белой выступил вперёд. Мне показалось, что среди нападавших его не было. В руках он держал...

Я не мог поверить, до того это выглядело бредовым. С шеи у него свисала горизонтально расположенная квадратная доска, на доске был закреплён бумажный лист. А в руке у него был... обычный карандаш.

Внимательно оглядывая меня, Белой начал делать быстрые штрихи. Рука его так и летала над бумагой, иногда он заходил справа, иногда перемещался влево, несколько раз зачем-то присел. Штрихи испещряли лист, падали на него точно косые струйки дождя – но струйки, тщательно выверенные. И скоро я понял, что на бумаге – ни что иное, как мой портрет. Причём нарисованный классно. Этому Белому бы на Арбате прохожих рисовать. Цены от столбника и до потолка...

– Ну, долго ещё? – несколько раз подстёгивал его старший, и, наконец, художник удовлетворённо хмыкнул:

– Готово.

– Ну, слава Хроносу, – проворчал главарь. – Уходим.

Он подошёл ко мне вплотную, ухватил пальцами за нос.

– А ты, Андрей Чижик, обо всём, что было, молчи. Скажешь кому, я тебя найду, яйца отрежу и сожрать заставлю. Понял меня?

Я промычал что-то невнятное. Оупение моё постепенно проходило, внутри рождалась злость.

– Понял, спрашиваю? – он не сильно, но явно издевательски шлёпнул меня по губам.

– Понял, – прошипел я.

– Ну, смотри... – хмыкнул старший.

Спустя пару секунд никого уже тут не было. Кроме Андрея Чижика, узника этих руин. Естественно, отвязать меня от столба они и не подумали.

Интересно, долго ли я здесь проторчу? Найдут ли меня когда-нибудь? Или вот так помру от жажды, голода и неудовлетворённой мстительности?

Уже почти совсем стемнело, когда, наконец, послышались шаги и голоса, мелькнуло в чёрном оконном проёме пламя факела.

– Спасибо, ребята, вы очень оперативны, – единственное, что вырвалось из меня, когда верёвки были обрезаны и чьи-то крепкие руки подхватили моё многострадальное тело.

4

– А главного они как называли? Постарайся вспомнить, Андрей, это важно.

Я сидел на лавке, привалившись спиной к тёплому дереву стены. Охваченная тугими повязками грудь ещё побаливала, но уже не как вчера, когда моё незащищённое тело мучил лекарь Олег.

Светило местной медицины явилось уже когда было совсем темно – то есть темно на улице. В усадьбе-то горели чудо-факелы, никто не ложился. Боярин Волков нервно расхаживал по людской. Я почему-то представил, как он достаёт из широких карманов своих шаровар мобильник и кого-то вызванивает. Стало смешно, да так, что я забился в судорогах. Хотел – и никак не мог остановиться.

– Пройдёт, – прокомментировал явившийся наконец лекарь. – Это истерика.

Надо же, какая терминология! Это прозвучало не в моём мысленном переводе, а именно что в оригинале, на «словенской речи». Хотя я давно заметил – в ней полно иностранных слов. То ли греческих, то ли латинских – здесь я был не силён.

По приказу лекаря Олега меня раздели догола, положили на лавку. Опустившись передо мной на корточки, великий врач принялся выстукивать меня кончиками пальцев. Чем-то это походило на мои недавние упражнения с барабаном, только вот лекарский ритм оказался куда сложнее любой роковой композиции. Досталось и грудной клетке, и спине, и

даже более деликатным местам. При каждом касании вспыхивала боль – точно иголка впиалась. Я, конечно, терпел – но чувствовал себя как на приёме у стоматолога-садиста.

– Повезло парню, – лекарю, видно, надоело надо мной издеваться и он переключился на свою котомку с пилюлями.

– Скоро ли поправится? – голос боярина был как наждачная бумага.

– Одно ребро сломано, но в удачном месте, так что за месяц срастётся. Всё остальное – ушибы. Ничего особенного, недели за две пройдёт. Сейчас помажу, повязки наложу. Сказал же – повезло. Бить били, а ничего важного не задели. Это, между прочим, уметь надо...

Потом я спал – видимо, долго, потому что проснулся около полудня. Лежал я, как выяснилось, не в людской, а в боярской горнице, на специально принесённой для меня лавке. С чего бы такие почести?

Горница была пуста, но не успел я проснуться по-настоящему – явился Алёшка, притащил на деревянном подносе еду.

– Вот этого сбитню побольше пей, он с особыми травами, дед Василий сам заваривал. Сказал, лекарь лекарем, а в правильной травке сейчас мало кто разбирается. Правильная же травка, сказал, чудеса творит...

Думаю, Колян и Вован согласились бы с дедом...

– Что там было-то, вчера? – осушив кружку сладкого, с замешанным мёдом отвара, поинтересовался я. – Ну, после того, как ты удрал?

Алёшка обиделся.

– Я, между прочим, не под кустом отсиживался! Я за стражей побёг, до базара, потом в усадьбу, людей поднимать...

– Ага, я ценю здешнюю скорость. Ну и что дальше?

– А стража как в Вороний тупик прибежала, ну, где оторвы к нам привязались, уже никого и не было. Они и пошли себе обратно, порядок на базаре блюсти. Это наши стали всё вокруг обшаривать, а как боярин со службы вернулся – тут же своих приказных поднял. Тебя далеко утащили-то, в Лебедянку, там в прошлом году пожар был, целый квартал выгорел, а случился пожар оттого, что баба одна, Ефросинья, пожадничала и свет-факел вместо волховского масла обычным заправила. Ну и пошла искра, а два месяца сушь стояла... Семь домов погорело, у шорника Евфимия младенец в дыму задохнулся. Ну, бабу Ефросинью, конечно, осудили и в Степь продали...

– Потом про бабу доскажешь, – перебил я болтуна, – ты вот чего: этих-то поймали, напавших?

– Пока нет, – огорчил меня мальчишка. – Боярин сказал, ищут. Найдут, сказал. Дело-то редчайшее, оторв в городе уже лет десять не было...

– Кстати, а чего ты этих уродов оторвами зовёшь?

– Так и есть оторвы, – Алёшка удивился моему невежеству. – Ну, оторвавшиеся. В смысле, умы у них от линий ихних оторвались, и живут одним часом, линию не соблюдают, ни свою, ни народную, им на всех положить, а что потом будет, они не думают. От всего оторвались, от закона, от Учения, от порядков... Потому их и зовут «оторвавшиеся», а попростому, оторвы.

– Короче, беспредельщики, – зевнул я. – Отморозки. И что же, часто они у вас шустрят?

– Говорю же, редкость небывалая! – с жаром возразил мальчишка. – Их почти повывели, давно уже. В столице-то уж точно. Бывает – на торговых дорогах озоруют, бывает, глухие деревеньки по осени грабят, но чтобы сюда... Уголовный Приказ, думаешь, даром свой хлеб ест?

– И что же, эти гаврики идут на такой риск ради десяти грошей? Да и то, они ж не знали, сколько у нас...

– Ну, сто таких, как мы – и уже гривна будет, – философически вздохнул пацан. – Потом, может, проследили на нами с базара ещё. Ты же деньги показывал, чуть барабан не купил...

– Да сомнительно как-то, чтобы из-за такой мелочи...

– Для кого мелочь, а для кого и хорошие деньги, – возразил Алёшка. – Между прочим, боярин у меня расспросил, сколько забрали, и выдал заново, десять грошей твоих. Сказал – передай Андрюхе, пусть утешится. Но ты же тогда сказал – Митяю, – в голосе его появилась какая-то извининка, – вот я братану и передал уже. Правильно ведь, да?

– Правильно. Расслабься. Я своих решений не меняю. Слушай, а вот если поймают их – что им будет? Какие на сей счёт у вас законы? Им прочитают мораль, что типа нехорошо так делать?

– Боярин сказал, если словят их, то суд будет, как положено. По закону, по Учению. Они ж сами виноваты, линии себе напортили, значит, Равновесие и получают. Может, их в Степь продадут, восточным варварам...

– Это как? – не понял я.

– Ну как-как... Со степными у нас война всё время, но и торговля тоже. Скуют оторв цепью, ладьёй по реке по нашей, по Кучме, потом каналом до Итиля, а там уже или в Каму, или в Астрахань. И продадут на торгу, в рабство навечно. Так вот кривую линию им и подправят. Видишь, всем хорошо. И казне прибыток, и варварам доход, и оторвам в будущей жизни полегче станет... Но только тут вряд ли... Слишком лёгкое наказание выходит. В степь продают, если разбоя с насилием не было. А тут, видишь, пострадали мы, – он указал на свой нос. – Чуть ведь не убили нас. Так что, может, с ними как с убийцами поступят. В крысиный поруб посадят.

– Это что, – вздрогнул я, – казнь такая?

– Ну, зачем сразу казнь? – пожал плечами Алёшка. – Кто захочет, тот выживет. Там же вода есть, а еда – бегает да пищит. Лови да жри... Если нескольких сразу сажают, то ещё ничего. По очереди спать можно. Вот когда одного – это верная смерть. Загрызут крысы... им ведь там тоже кормиться больше нечем. Так что кто кого... У нас ведь не как в древности, всякие там костры, колья, плахи... Закон в Княжестве мягкий. Всякому душегубу даётся возможность выжить. Вдруг его линия так изогнётся, в счёт прежнешаровых страданий? Бывают, что в крысином порубе люди по много лет живут. Конечно, невесело там, так ведь сами же линию себе покривили...

Я судорожно сглотнул. Что ж, значит, здешний гуманизм всё-таки не беспределен. И по мне, так уж в сто раз лучше, если оттяпают голову на плахе, чем вот так, годами в темноте с крысами охотиться друг на друга.

Потом Алёшка ушёл, а я провалился в сон. Что-то неприятное там творилось, какие-то пряди седой паутины, еловый лес, выросший в тёмном подвале, прямо из каменного пола... и боярин Волков в алом кафтане, при сабле и серебряной цепи, внимательно смотрит на меня... только вот голова у него крысиная, и не мигают чёрные глаза-бусинки, скалятся ослепительно-белые резцы, а усы едва заметно вибрируют... словно антенны, передающие куда-то секретную информацию.

Я рывком приподнялся, стряхнул липкие обрывки сна. И увидел сидящего в кресле боярина. Без сабли, без красного кафтана, в одной рубахе. Голова обычная человеческая, мешки под глазами, лоб в морщинах. Но почему-то он вновь напомнил мне дворового кота – с порванным в драке ухом, но вполне готового к будущим схваткам.

– Ну что, пришёл немного в себя? Давай тогда поговорим... о делах наших скорбных...

– Значит, никак не обращались к нему? Что ж, умно... А кроме Гонши и Бело го, больше не звучало имён? Не торопись, подумай.

– Чего тут думать, – хмыкнул я. – Точно не звучало.

– Ну, тогда картинки погляди, может, узнаешь кого... – Боярин непонятно откуда вытащил амбарного вида книгу, протянул мне. – Осторожнее, тяжёлая... На колени клади. Вот...

Книжища и впрямь была убийственного веса. Пожалуй, помощнее вон той висящей на стенке булавы. Немудрено – формат близок к А3, бумагу правильнее назвать картоном...

Я начал перелистывать страницы. На каждой – умело нарисованный портрет. Техника, насколько могу судить, разная, но все лица – как живые. И это не типографская печать, рисунки или мягким карандашом выполнены, или тушью. Никакого текста – лишь номера внизу каждой страницы. И цифры хитрые какие-то, вроде и узнаваемы – но начертание более чем странное.

– Знаешь, что это такое? – прокомментировал Александр Филиппович. – Это одна из тайных книг Уголовного Приказа. Тут собраны портреты тех душегубов, с которыми мы имели дело за последние десять лет. Не по всей стране, конечно, но Кучеполь, Тверь, Малушин... словом, центральная часть Княжества. Более старые книги я поднимать не стал, раз уж ты говоришь, те молодые были...

О как! У меня в руках – местная ментовская база данных! Как трогательно!

– Это что же, – протянул я, – все преступники за десять лет? По нескольким городам? И все в одном альбомчике? Весело тут у вас...

– А как было бы в том шаре, чьей памятью ты живёшь? – полюбопытствовал боярин.

– Ну... Там, конечно, была бы не книжечка, а... – я замялся, не зная, как в двух словах рассказать о компьютерных базах... – Короче, в другом виде. И было бы их... ну, несколько десятков тысяч. Или даже сотен... Если каждого гопника пофиксить...

– Да уж, – прищурился Александр Филиппович, – жутковатый шар. Впрочем, и неудивительно. Живут люди как дикари, Учения не знают, линии свои не берегут... Страшно подумать, что так было бы и у нас, кабы не Аринака...

– Да кто он такой, этот ваш Аринака? – не выдержал я. – И что вы все про линии? Кто-нибудь когда-нибудь мне это объяснит наконец?

– Можно и объяснить, – боярин сделал вид, что не заметил моей вспышки. – Но сперва давай всё-таки погляди, полистай. Как говорится, сначала практика, потом теория.

– Кем говорится?

– Учёными, – невозмутимо ответил боярин. – Да ты гляди и не торопись.

Я внимательно вглядывался в лица. Было их всего, как я насчитал, двести тридцать восемь портретов. Всё больше молодые мужики, но попадались личности заметно постарше, было несколько подростков немногим старше Алёшки и даже встречались представительницы слабого пола. Некоторые выглядели очень даже ничего. Пририсовать бы к этим головкам всё остальное...

– Увы, – я долистал до конца. – Никого не узнаю, из тех...

– Слушай, – боярина, похоже, осенила идея, – а ты не заметил, речь их... Какие-то особые словечки были, непонятные? Или ругань чёрная...

Знать бы, что тут считается чёрной... Ну, понятное дело, интересуется, по фене они перетирали, или как...

– Да они вообще почти не говорили между собой. Буквально две-три фразы. И язык вроде обычный.

– Это хуже, – расстроился Волков. – Возможно, что и не по нашему Приказу проходят. Разбойные людишки скорее всего от своего языка не удержались бы. Кто же тогда? Лазняки? Но эти разбоем не занимаются, эти с другого кормятся...

– А кто такие лазняки? – прервал я поток его размышлений. – Между прочим, вопрос для меня важный. Я же и в холопы угодил как лазняковское имущество... Кому я обязан своими несчастьями? Проще говоря, кому репу чистить?

– Про чистку репы – это ты к Светлане нашей, – боярин моей фразы не понял. – А что до лазняков... – Он встал с кресла, прошёлся по горнице. – Лазняки – это люди, добывающие редкий товар и торгующие ими в обход законов. Откуда они достают эти вещи? По-разному. Что-то привозят из дальних стран, не входящих в Круг Учения, что-то выкапывают в древних могилах... у народов, исчезнувших с лица земли, порой бывают удивительные вещи...

– Вроде велосипеда «Украина»? – не выдержал я.

– Ты про самоход, выставленный на торг? – Волков не моргнул глазом. – Это, конечно, вещь не древняя. Современная вещь, изготовленная в каких-то потайных мастерских. К сожалению, товар штучный, а то бы войску княжескому очень впору пришлись. В отличие от коня, не просит воды и корму, скорость даёт не меньше, весу малого, где-то и на себе таскать можно. Проходимость, конечно, хуже, в лесу или в степи толку от самохода немного. Зато на наезженной дороге ему цены нет. И конструкция-то не особо хитрая, мастера наши в ней разобрались. Да вот колёса... Материал странный, как такой делать, непонятно. Волхвы крутили-крутили, но без толку. А с деревянными колёсами пробовали – нет, не то...

Говорил он очень убедительно, и оттого я всё меньше ему верил. Боярин явно недоговаривал – и явно пытался это замаскировать.

– Так вот, о лазняках, – продолжил он. – Они, конечно, нарушают множество законов, но крайне редко нападают на людей. И то лишь когда иначе всё их дело погибнет. Подвергать риску себя за десять грошей... это даже не смешно. Что касается тебя... Разбойный Приказ тогда накрыл одно из их хранилищ. Поступило сообщение, послали туда отряд. Ну и, как видишь, подтвердилось. Лазняков никого захватить не удалось, тайными ходами ушли... там под срубом целые подземелья оказались, а соваться, не зная плана... В общем, захватили только товар, предназначенный к продаже. Ну и тебя. Похоже, был ты у них рабом, а как стряслась с тобой преждепамятная хвороба... что-то, видать, меж вами случилось. Ты, возможно, обезумев, кидаться на них стал, говорить странное. Ну и дали тебе по голове да заперли вместе с товаром. Не до разбирательств им было... Твоя цена по сравнению с тем, что в сундуках захваченных – это медный грош в сравнении с бриллиантом в княжеском посохе.

Ну да, само собой. Всегда знал, что дешевле велосипеда. Помню, как в третьем классе был, выпрашивал у родителей – а в ответ слышал, какая это дорогая вещь, как она нам не по деньгам... Счастье наступило лишь в шестом и было недолгим. Угораздило же меня на минуточку оставить его возле магазина на даче...

– А кроме того, – боярин расчесал пальцами бороду, – они всё-таки не оторвы. Как могут, всё-таки линию блюдут. Не пошли бы на такой сильный изгиб... В столице, нападение на человека... между прочим, не абы какого – на моего человека. Ты, надеюсь, понимаешь – всё это было не случайно. Не в грошах же дело. Вас с Алёшкой специально подстерегали... Вернее, тебя – малой им вовсе не нужен. И вот хотел бы я знать, кого ты настолько заинтересовал, Андрей, что на твою поимку людей отрядили.

– Ага, мне самому ужасно хотелось бы знать...

– Я надеюсь, рано или поздно твоё любопытство будет удовлетворено, – сухо проговорил Волков. – Но не менее странно и другое – то, ради чего они вообще на тебя напали. Если бы просто похитили, увезли в неизвестном направлении... тут бы хоть логика была. Но ловить, чтобы срисовать тебя на бумагу и отпустить... Вот где настоящая загадка...

– Угу, я тоже с детства люблю детективы, – во мне чем дальше, тем больше росло раздражение. Что скрывает от меня этот немолодой и, в общем-то, неплохой дядька?

– А я – нет, – отозвался боярин. – Я, помнится, уже говорил тебе, что вовсе не мечтал о службе в Уголовном Приказе. Меня наука всегда влекла... Исследовать Учение – что может быть интереснее? Да и людям это куда нужнее, чем наше сыщицкое дело... но сам понимаешь, после смерти отца...

Похоже, боярина потянуло на лирику. А меня интересовало совсем другое.

– Вы обещали про линии рассказать, – напомнил я. – Больше месяца у вас живу, и ничего не могу понять.

– Поймёшь, – улыбнулся Волков. – Сразу бы, в первые дни, не понял, а сейчас уже самое время. Ну, слушай истину.

Истина оказалась вполне крышесносительной.

5

Всё началось, когда римляне покорили греков. Из школьной истории я плохо помнил, когда это случилось, но уж явно до Христа. Которого тут, оказывается, вообще не было.

Рим особо не зверствовал – ну так, по мелочи, кое-кого прирезали, гарнизоны свои поставили, обложили полисы, то есть города, налогами, судить стали сами и по своим законам. Массовых казней, однако же, не было, концлагерей тоже. В общем, для простого человека мало что изменилось. Какой-нибудь крестьянин Маврикий по-прежнему выращивал виноград, гончар Амвросий по-прежнему лепил горшки. Но образованным грекам, конечно, было обидно. Какие-то западные варвары, неспособные процитировать Гомера и совершенно не разбирающиеся ни в театре, ни в философии...

И вот тогда в Афины пришёл Аринака. Скорее всего, из Индии, так, во всяком случае, о нём потом рассказывали. Был он уже немолод, не имел ни единой вещи, кроме хитона и сандалий, но откуда-то великолепно знал и греческий, и латынь.

Но языки – это мелочь. Важнее, что он обладал удивительными способностями. Люди тянулись к нему, как железные опилки к магниту. Он умел к каждому найти ключик, двумя-тремя словами привязать к себе человека. Неизвестно, применял ли Аринака магию. То есть сотни лет спустя про него насочиняли всякое – и что безнадежно больных исцелял, и что по воздуху ходил, и что молниями поражал своих врагов, и что змей в камни превращал, а воду – в нефть. Но это, как признал боярин Волков, сказки. Ученые ничего такого не установили, и любой здешний волхв мог бы изобразить ещё и не такое. Если Аринака и владел тайными искусствами – то совсем другого рода. А то, что спал он на острых камнях, ел всего лишь раз в день, на закате, и только растительную пищу, не ездил верхом и не пил ничего, кроме родниковой воды – само по себе неудивительно. Мало ли какие у кого заморочки. К тому же мудрый старец не требовал этого от других.

Главное – Аринака принёс Учение. Слушателям его всё сразу становилось ясным – отчего случаются несчастья и как избавиться от бед, а также что есть беда и что – радость. Многие начали жить по-новому – и стало получаться. Тогда только римляне забеспокоились, что происходит в Греции – но было уже поздно. У Аринаки нашлось слишком много сторонников и среди аристократов, и в простонародье. Да и римляне мало-помалу перенимали модное учение. Кончилось всё это мощнейшим восстанием против римской власти. Поднялись и Эллада с Македонией, и Ливия, и даже Египет.

Как ни странно – победили. Аринака вроде и не возглавлял восставших, и не вёл в бой армии, он просто давал советы. Как бы со стороны. Но удивительно – каждый раз советы его срабатывали. Точно он знал будущее – и изгибал вероятности в нужную ему сторону. Римских легионеров то поражал необъяснимый ужас, то они массово страдали от поноса, то между ними вспыхивали драки. Полководцы из всех возможных решений принимали самое глупое, осадные орудия ломались в самый неподходящий момент, и даже природа плевала на Рим – нудными, изматывающими дождями, землетрясением, уничтожившим за полчаса едва ли не треть войск, внеплановым извержением Везувия, которое римский плебс счёл предупреждением богов и впал сперва в панику, затем, не выходя из паники – в бунт. Короче, весь букет неприятностей.

Сразу после победы над Римом переключились на Карфаген – тот наивно полагал, что греко-римская борьба сделает его сильнейшей мировой державой. Как же, разбежался. Старик Аринака погрозил юго-западу пальчиком, сказав: «Карфаген должен быть разрушен!» И добавил: «Иначе этот шар вообще выпадет из Великой цепи. В хаос». Лет за пять справились. Ценой огромной кровищи, правда, но для спасения мира чего не сделаешь... Зато – до основания. А затем даже землю на его месте распахали и не стали ничего сеять. Типа – пускай тут одни лопухи растут.

Потом, когда на обломках прежнего мира поднялась Великая Эллада, Аринаку хотели сделать верховным базилеем. Но старик уклонился от этой чести. Есть, сказал он, и другие, кому нужно нести слова Учения. И куда-то скрылся, причём никто так и не узнал – куда. Искали-искали – без толку. От дедули осталось только Учение.

Само же оно, по словам боярина, подразделялось на несколько «благородных истин».

Первая – это «истина Равновесия». В судьбе отдельного человека, в судьбе народа, в судьбе всего мира, наконец, есть чётко определённое мировым устройством количество счастья и несчастья, хорошего и плохого. Смешны и глупы те, кто жалуется на несчастливую судьбу. Количество отмеренных тебе горестей и радостей постоянно – и примерно одинаково для всех. Каждая удача обязательно уравновесится неудачей, каждое удовольствие – мучением, каждое счастье – бедой. И нарушить этот баланс невозможно. Закон сохранения удачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.